

ДЖИМ ДЭВИДСОН

СЛЕДУЮЩИЙ ЭВЕРЕСТ

КАК Я ВЫЖИЛ В САМЫЙ
СМЕРТОНОСНЫЙ ДЕНЬ В ГОРАХ
И ОБРЕЛ СИЛЫ ПОПРОБОВАТЬ
ДОСТИЧЬ ВЕРШИНЫ СНОВА



Выжить в апокалипсисе. Истории преодоления

Джим Дэвидсон

**Следующий Эверест. Как я выжил
в самый смертоносный день в
горах и обрел силы попробовать
достичь вершины снова**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Дэвидсон Д.

Следующий Эверест. Как я выжил в самый смертоносный день в горах и обрел силы попробовать достичь вершины снова /

Д. Дэвидсон — «Издательство АСТ», 2021 — (Выжить в апокалипсисе. Истории преодоления)

ISBN 978-5-17-135116-8

25 апреля 2015 года Джим Дэвидсон совершал восхождение на Эверест, когда от землетрясения магнитудой 7,8 балла с горы вокруг обрушились лавины, перекрыв ему и его команде единственный путь к спасению. Альпинисты оказались в ловушке на высоте более 6000 метров. Самое мощное за последний 81 год землетрясение в Непале унесло жизни около 8900 человек. Тот день стал также самым страшным в истории покорения Эвереста: в одночасье на горе погибли 18 человек. После двух дней тревог и неизвестности Дэвидсона с командой эвакуировали вертолётom со склона Эвереста. Случившееся так потрясло его, что, несмотря на 33 года регулярных восхождений и опыт руководителя экспедиций, он не был уверен, что когда-либо сможет вернуться сюда. И всё же, не боясь риска и неопределённости, в 2017 году Джим вернулся и наконец осуществил свою мечту о покорении вершины. Это вовсе не очередная история «укрощения» высочайшей вершины мира. Автор показывает, как готовность признать изменения, принять вызов судьбы и допустить неопределённость готовят каждого к встрече со своим «следующим Эверестом». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-135116-8

© Дэвидсон Д., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 7 |
| Глава 2 | 11 |
| Глава 3 | 14 |
| Глава 4 | 21 |
| Глава 5 | 27 |
| Глава 6 | 33 |
| Глава 7 | 37 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 38 |

Джим Дэвидсон

Следующий Эверест. Как я выжил в самый смертоносный день в горах и обрёл силы попробовать достичь вершины снова

Jim Davidson

THE NEXT EVEREST:

SURVIVING THE MOUNTAIN'S DEADLIEST DAY

AND FINDING THE RESILIENCE TO CLIMB AGAIN

© 2021 by Jim Davidson

© Л. А. Борис, перевод, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

*Моим родителям, Джин и Джо, сопровождавшим меня на первых
жизненных тропах.*

*И жене Глории, взбирающей со мной по жизни на самые высокие
горы.*

Глава 1

Мы шли по самому опасному участку Эвереста ночью. Беспорядочный ледопад¹, через который мы с трудом пробирались, уходил вверх на 600 с лишним метров по вертикали на участке длиной всего около полутора километров, которые мы прошли от Базового до Первого лагеря. ПиКей Шерпа² – Пасанг Ками Шерпа жил в деревне Форцзе, и все называли его ПиКей – и я пробирались между тысячами покосившихся ледяных столбов, бесконечным потоком сползавших вниз по склону, кувыркаясь и разбиваясь на ходу.

Из-за темноты пробираться сквозь постоянно шевелящийся ледяной лабиринт было труднее. Но глубокий ночной холод замедлял смещение ледника Кхумбу, что уменьшало риск вызвать обрушение на нас ледяных стен или оказаться погребёнными под лавинами. По крайней мере, мы на это надеялись.

Я изо всех сил старался быстрее преодолеть ледопад Кхумбу, но мог лишь неуклюже карабкаться вверх по склону, словно усталый старый як. Всякий раз, когда я останавливался, ноющие мышцы бёдер получали короткий отдых, но уже через несколько шагов скорость моего движения снова снижалась. Несмотря на то что я был в самой лучшей физической форме за всю свою жизнь альпиниста, обессиленные от недостатка кислорода ноги просто не способны были шевелиться быстрее в сильно разрежённом воздухе на высоте 5790 метров.

Шли первые сутки восхождения на Эверест, а от хаотичного ландшафта и сомнений в себе меня уже переполняла неуверенность. До Первого лагеря оставалось ещё несколько часов подъёма, и мы углубились в ледопад.

Свет налобных фонарей отражался от блистающих ледяных стен. Тени танцевали вокруг, от чего то и дело казалось, что ледяные глыбы начинают двигаться. Примерно половина остальных пятнадцати альпинистов и пятнадцати шерп из нашей команды уже ушли вперёд по запутанному ледопаду; остальные следовали за нами. Проводник из Непала сопровождал каждого члена команды. Большинство проводников, нанятых нами, были по национальности шерпами, но некоторые из них относились к другим этническим группам вроде бхоте³. Каждые несколько минут дрожащий свет налобного фонаря отмечал путь впереди.

Хотя ночь скрывала часть опасности, нас окружали зловещие доказательства непрочности ледника. Луч моего налобника выхватил небольшой провал в снегу, намекавший на скрытую под ним расщелину. Во многих местах снежные мосты осыпались и превратились в открытые дыры. Мы прошли мимо нескольких зияющих провалов, обрывававшихся в глубь ледника почти на сорок метров.

¹ Имеется в виду ледопад Кхумбу одноимённого ледника, стекающего с южных склонов Эвереста. Ледопад расположен на высоте 5486 м на склонах горы Эверест, обращённых в Непал. Через него начинают восхождение по классическому пути через Южное седло, причём ледопад является самым опасным участком маршрута, так как постоянно находится в движении и там часто происходят ледовые обвалы (*Здесь и далее – Прим. пер.*).

² ПиКей Шерпа (*PK Sherpa*) – рабочий псевдоним профессионального проводника народности шерпа, его полное имя – Пасанг Каджи Шерпа (*Pasang Kaji Sherpa*). Непальский высокогорный проводник-фрилансер, востребованный эксперт по высокогорным киноэкспедициям. Профессional с более чем 15-летним опытом работы. Совершил успешные восхождения и руководил экспедициями по подъёму на самые высокие вершины на Земле, включая четыре восхождения на Эверест, Чо Ойю и Манаслу. Обладает передовыми знаниями и опытом работы с высокогорными съёмочными группами в условиях высоты более 8000 м. Пасанг сотрудничает с ведущими мировыми брендами, включая *Google*, *Under Armour*, *National Geographic Middle East* и *Qatar Television*. В межсезонье Пасанг проводит обучение молодых альпинистов в рамках непальской Ассоциации альпинизма. В 2016 году Пасанг сотрудничал с ООН в качестве эксперта-консультанта по альпинизму для армии Непала, чтобы минимизировать риск в условиях высокогорья. Пасанг страстно увлечён своим делом и с удовольствием помогает другим альпинистам.

³ Бхоте (или бхот, бхотия, бхутия, букв. – тибетцы) – название различных этнических групп тибетского происхождения или культуры в Южной Азии (южные склоны Гималаев), реже в самом Тибете.

За двадцать три года до этого, когда я спускался с ледника на горе Рейнир⁴ в Соединённых Штатах, у меня под ногами рухнул снежный мост. Я тогда провалился в огромную глубокую расщелину. Теперь каждая ледяная трещина, через которую я переступал, каждая гигантская пропасть, которую мы огибали, напоминали мне о случившемся тогда. И о том, что подобное может произойти и сейчас.

* * *

Приближение рассвета раскрасило чёрно-белый мир вокруг нас. Сначала ледник Кхумбу окрасился в пурпурный. Становящийся всё ярче, дневной свет изменил цвет облаков, из тёмных они стали светло-серыми, а внутри ледникового льда начали проблёскивать морозные синеватые оттенки. Когда настолько посветло, что впереди я уже мог ясно рассмотреть тёмно-красные части рюкзака ПиКея, я выключил налобник. Мы продолжали двигаться вдоль тонкой альпинистской верёвки, закреплённой вдоль маршрута. Намеченная линия обозначала путь через ледовый лабиринт и служила страховочной верёвкой, к которой мы пристёгивались.

Маршрут под углом уходил влево, почти вплотную прижимаясь к западному склону Эвереста. ПиКей начал подниматься быстрее и спешил, то и дело щёлкал карабином, пристёгивая и отстёгивая его от страховочной верёвки. Перешагнув через открытую расщелину, он ухватился за закреплённую нейлоновую верёвку, вскарабкался на шесть метров вверх по ледовому пандусу и исчез за ним. Вместо того чтобы, как обычно, на минуту остановиться и проверить, следую ли я за ним и всё ли у меня в порядке, он даже не оглянулся. Я заторопился за ним, грудь болела от разрежённого воздуха. В каждом вдохе было меньше половины кислорода, который я вдыхал бы на уровне моря. Через пару минут я увидел, что ПиКей поджидает меня у одного из якорей, которыми крепилась страховочная верёвка. Чуть только я подошёл, он заговорил.

– Быстрее. Очень плохое место.

Всё ещё задыхаясь, я не мог ему ответить. Вместо этого я кивнул и рукой в перчатке показал вперёд. ПиКей сорвался с места и помчался дальше ещё быстрее. Я подумал, что мы, должно быть, недалеко от района прошлогодней катастрофы⁵.

Год и неделю назад, утром 18 апреля 2014 года, в этой части ледопада погибли шестнадцать горных проводников-непальцев. Ледяная глыба размером с десятиэтажное здание сорвалась с ледового барьера в 300 метрах у них над головой. Устремившись вниз, громадная ледовая бомба разлетелась на множество твёрдых, как камень, осколков. Обломки льда рухнули вниз с ледопада и похоронили людей.

Позже картограф *National Geographic* сравнил спутниковые фотографии этого района до и после лавины. Он определил, что вниз скатилось около пятнадцати тонн ледовых обломков. За двое суток рискованных поисково-спасательных работ удалось обнаружить тринадцать тел, но найти остальные так и не вышло. Трое мужчин так остались погребёнными во льду, и сейчас они где-то у нас под ногами.

Я взглянул вверх через левое плечо и увидел белые подбрюшья нескольких ледовых полей, нависающих над нами на высоте сотни этажей. Одно из этих полей виновно в случившемся тогда.

Размышляя о погибших и их семьях, я хотел было остановиться и почтить их память. Однако даже секундное промедление способно дать гравитации шанс обрушить на нас целый ледовый небоскрёб. Я изо всех сил спешил следом за ПиКеем, и в висках у меня стучал пульс.

⁴ Рейнир – стратовулкан в штате Вашингтон в 88 км юго-восточнее Сиэтла. Высота над уровнем моря – 4392 метра, это высочайшая точка Каскадных гор.

⁵ Автор имеет в виду катастрофу 8 апреля 2014 года, когда как раз на ледопаде Кхумбу произошёл сход лавины, в результате которого 16 человек погибли и 9 получили ранения.

Прозрачные, словно из тюля, облака разошлись, и впереди показался хребет высотой 7500 метров. Эта длинная каменная стена с самого рассвета отбрасывала на нас ледяную тень. Но теперь солнце поднялось над гребнем хребта, облака поредели, и утреннее солнце пробилось сквозь них. С каждой минутой солнечное тепло ослабляло крепость ледовых полей, нависавших у нас над головой, согревало ледник, стекавший по склону у нас под ногами. Надо было двигаться быстрее.

Я пересёк заснеженный карниз, ступая по следам ботинок прошедших впереди альпинистов. Металлические шипы кошек скрипели, впиваясь в твёрдый снег. Поднимаясь, я продвигал карабин страховочного троса вдоль зафиксированной верёвки. Эти общие для всех верёвки и якоря установила в начале месяца храбрая и опытная команда шерп, известных как *Icefall Doctors*⁶. Перешагивая через открытую расщелину, я видел, как чернильная бездна под ногой уходила далеко внутрь. Мы шли среди глыб, словно муравьи, ползущие по рыхлой куче из кубиков льда.

Двигаясь вдоль закреплённой верёвки, я свернул в узкий туннель и очутился в нише, с трёх сторон окружённой вертикальными ледяными гранями. Гладкие стены и угловатая форма этой ниши показались мне необычными. Когда я учился на геолога, у нас был курс гляциологии⁷. Я рассмотрел этот ледяной альков более пристально, и мне показалось, что пол в нём необычайно ровный, хотя его и покрывал толстый слой ледяных обломков. Я надавил ботинком на рыхлое крошево и почувствовал, как легко подались под ногой острые мелкие куски льда – они ещё не смёрзлись. Всё это только что сформировалось. Мы стояли в месте, где буквально только что образовалась ледяная пещера.

ПиКей и двое других альпинистов, с которыми я был незнаком, стояли, глядя снизу вверх на высоченную алюминиевую лестницу. Проследив за их взглядами, метрах в десяти над нами я увидел альпиниста из другой команды. Он поднимался по изогнутой лестнице медленно и неуклюже. Мы оказались вынуждены сделать длительную остановку в зоне активного обрушения.

Я стоял рядом с ПиКеем. Когда он оглянулся на меня, я заметил на его смуглых щеках красные следы солнечного ожога, результат трёх недель, которые мы провели на большой высоте. Его рот хмуро кривился, сжался в хмурый взгляд, он с досадой покачал головой. Желая уточнить у ПиКея, надо ли и нам тоже идти медленно, я заговорил на ломаном непальском:

– *Bistare janne, ho?*⁸

– *Ho*⁹, – подтвердил он.

Хоть я и нервничал из-за того, что мы стояли там, передышка пришлась очень кстати. Я делал глубокие вдохи и старался замедлить сердцебиение. Неуклюжий альпинист наверху, наконец, освободил лестницу, и следующий начал подъём. Мы ждали.

Я сдёрнул правую перчатку и сунул её под толстую куртку, чтобы сохранить в тепле. Затем прижал два голых пальца к левому запястью. Кончики пальцев ощутили, как резко подрагивает кожа над артерией. Два удара в секунду. Даже после передышки сердце у меня билось с частотой 120 ударов в минуту. Пульс в состоянии покоя был в три раза чаще, чем дома в Колорадо.

Несмотря на то что меня мучила жажда, не хотелось возиться со снаряжением, когда придёт мой черёд лезть по лестнице. Я расстегнул молнию на нагрудном кармане куртки и вытащил батончик *Hershey's*. Развернув замёрзшую шоколадку, я отломил половину и пред-

⁶ *Icefall Doctors* – команда шерп-профессионалов, которая занимается установкой лестниц через ледопад Кхумбу.

⁷ Гляциология – наука о природных льдах во всех их разновидностях на поверхности Земли, в атмосфере, гидросфере и литосфере.

⁸ Медленно идти, да? (непальск.).

⁹ Да (непальск.).

ложил её ПиКею. Как обычно, он вежливо отказался. Но когда я, как предписывает обычай, трижды повторил приглашение, он согласился взять угощение.

– Спасибо, Джим-дай.

В свои двадцать пять лет ПиКей был примерно вдвое моложе меня. Обращаясь ко мне, он часто добавлял к имени уважительные непальский термин «дай» – старший брат. Мы жевали и то и дело поглядывали через левое плечо на ледяные барьеры, сверкавшие всё ярче по мере того, как на них попадали лучи солнца.

Когда подошла очередь ПиКея, он полез вверх. От его ритмичных движений шаткая лестница закачалась, так что я натянул обратно правую перчатку и ухватился за боковые поручни, придерживая лестницу. Как учил меня малярному делу отец четыре десятка лет назад, я прижимал носки ботинок к нижней части лестницы, выравнивая её. ПиКей замедлился наверху, но вскоре преодолел стенку и ступил на плоский лёд. Потом он развернулся, помахал мне рукой и ухватился за верхнюю перекладину.

Ещё раз посмотрев вверх, я заметил, что лестница изогнута вправо, огибая выступающую ледяную глыбу. Верхний край был вовсе не над её основанием. Обеспечивая проход через стену, шесть неточно состыкованных друг с другом секций лестницы были связаны конец в конец старым, выцветшим альпинистским шнуром.

Я прищёлкнул жумар¹⁰ к натянутой вертикально страховочной верёвке. Мне показалось, что лучше всего будет подниматься не столько быстро, сколько плавно. Сначала я провёл правый жумар вверх по верёвке, а левой рукой ухватился за перекладину над головой. Подняв ногу в тяжёлом ботинке на первую ступеньку на уровне голени, я полез вверх.

Поставив второй ботинок выше первого, я остановился и сделал два глубоких вдоха. Потом ещё раз, и так получился вполне эффективный ритм. Каждые несколько шагов кошки из нержавеющей стали, пристёгнутые поверх альпинистских ботинок, боком скользили по алюминиевым перекладинам. Скрежет металла о металл эхом отдавался от стен ниши.

Пока я поднимался выше, ненадёжная конструкция кренилась и прогибалась. Теперь-то я понял, почему другие лезли так неловко. Внизу была видна наполовину скрытая расселина вдоль основания ледяной стены. От края провала до одной из ножек лестницы было меньше тридцати сантиметров. Я двигался медленнее, но по мере продвижения вверх лестница, недостаточно сбалансированная и устойчивая, подпрыгивала всё сильнее. Поскольку никто подо мной не придерживал её основание, я беспокоился, не получится ли так, что лестница соскользнёт в расселину и сбросит меня в чёрную дыру.

Хотя я был пристёгнут к страховочной верёвке, неподвижные якоря в ледопаде обычно держатся только на одном ледобуре или колышке. Дополнительного крепежа не было, и я не слишком доверял якорям. Следующий шаг вверх вышел особенно неуклюжим, и рука не попала на перекладину. Я всё смотрел вниз и слишком много думал о возможном падении.

¹⁰ Жумар – элемент снаряжения альпинистов, спасателей и пр., применяется в верёвочной технике для подъёма по вертикальным перилам. Это механический зажим кулачкового типа. Создатели жумара в современном варианте – швейцарские альпинисты Адольф Жюси и Вальтер Марти, они в 1958 году создали эксцентриковые зажимы и назвали своё изделие по начальным буквам своих фамилий – «Жумар» (*"JuMar"*).

Глава 2

1977

Тёплый ветерок гоняет красные дубовые листья по лужайке у церкви. Над нашими головами высоко в небо Новой Англии вздымается белая башня церкви Святого Бернарда. Чтобы покрасить верхний ярус колокольни, папа отыскал самую большую приставную лестницу во всём Массачусетсе, высотой целых двадцать два метра, и одолжил её у своего приятеля-верхолаза, который специализировался на высотных работах в церкви. Алюминиевая лестница громадная, из трёх выдвижных секций, я такой раньше никогда не видел.

Когда задача кажется трудной, папа любит шутить, что для её решения потребуются «два сильных мужика и парнишка». Точь-в-точь, как у нас сегодня. Папе сорок пять, и он в отличной форме, ведь уже десять лет как занимается малярным делом по шесть дней в неделю. Его брат, мой дядя Боб, тремя годами моложе, он сохранил почти все мускулы и ловкость, благодаря которым был настоящей звездой в школьной футбольной команде *Concord High School*. В свои четырнадцать лет я ростом почти с отца, только более тощий. Мои пальцы вдвое тоньше, чем у него, и не покрыты мозолями, в отличие от его рук.

Огромная и прочная лестница весит больше 80 килограммов – поднимать её и устанавливать вертикально нам приходится втроём. Как только громадная серая стрела устремляется точно в небо, папа стабилизирует один боковой поручень нижней секции, я – другой, а дядя Боб изо всех сил тянет удлинитель. Мы вытягиваем среднюю секцию, затем шаткую третью часть. Все вместе мы осторожно начинаем прислонять полностью выдвинутые секции лестницы к шпилью, но неимоверную тяжесть накренившейся конструкции нам не удержать даже втроём. Верхушка лестницы с силой ударяется об обшивку колокольни, несколько раз подпрыгивает, а затем замирает.

– Ё-моё, ну и зверюга! – говорит папа.

Шаркая ногой по гладкому граниту дорожки, дядя Боб ворчит.

– Не нравится мне это, Джои.

– Да уж, скользкая, как замёрзшая сопля, – отзывается папа.

Боб привязывает болтающийся трос удлинителя к стальным перилам, закреплённым на пёстренькой гранитной лестнице, но он всё ещё недоволен.

– Может, нам с тобой лучше остаться тут, а наверх послать Джимми?

Дядя Боб излучает энергию, он наш самый ловкий работяга, поэтому обычно наверх поднимается именно он. Папа смотрит на меня, потом на колокольню. Из двух братьев он более склонен к анализу. Прежде чем в 1963 году стать вместе с Бобом совладельцем малярной фирмы *Lincoln Painting Company*, папа десять лет проработал техником-электриком в компании *Bell Labs* и в фирме по производству микроволновых печей.

– Ты прав, – говорит папа. – Будет лучше, если основной вес останется поближе к основанию.

При весе всего 63,5 кг я тут самый лёгкий и понимаю, что подниматься придётся мне. Кроме папы и дяди Боба два других моих дяди тоже зарабатывают на жизнь малярным делом. Я лазаю по приставным лестницам с восьми лет. Уже седьмой год, как я работаю маляром летом, а также почти всякую субботу и в школьные каникулы.

Я чувствую себя уверенно на любой из принадлежащих нам лестниц, включая двухсекционную высотой пятнадцать метров. Но сейчас всё иначе. Если посмотреть сбоку, то видно, что прислонённая к колокольне лестница заметно прогибается в средней секции, а затем становится ещё более крутой в верхней трети. Папа наблюдает, как я хмуро смотрю на странный прогиб средней секции. Он говорит:

– Деформация заложена в конструкцию. Всё в порядке.

Мы не используем страховочные тросы, потому что они замедляют работу. От мысли о возможности долгого падения на гранит я нервничаю. Но папа с Бобом знают, что делают. Кроме того, я не хочу, чтобы обо мне плохо подумали. Итак, я готовлюсь.

Я завязываю по второму узлу на обоих шнурках. Чтобы инструменты не выпали из заднего кармана джинсов на людей внизу, выкладываю шпатель и отвёртку. Снимаю кепку с эмблемой команды *Bruins*¹¹, бросаю туда инструменты и кладу на траву.

Мы уже покрасили большую часть колокольни, дотягиваясь до нужных участков стен изнутри. Осталось покрыть краской только угловые участки. Дядя Боб протягивает мне ведёрко объёмом в четыре с половиной литра, в нём сантиметров десять краски. Кисть шириной десять сантиметров свисает на краю ведёрка с финишного гвоздя, наполовину вбитого в его деревянную ручку и согнутого в грубый полукруг. Я вешаю ведёрко на ремень, на специальный металлический крючок.

Папа упирается пяткой в землю, одновременно прикладывая носок ботинка к нижней части боковой перекладки. Он с силой проводит носком обуви по металлу, буквально размазывая резиновую подошву по основанию лестницы. «Подмазывая» её таким образом, он предотвращает скольжение по гладкой каменной плите. Боб точно так же уравнивает другую боковину. Я начинаю подъём и легко преодолеваю первую секцию, никаких проблем. Но чуть только добираюсь до слегка провисающей средней секции, как лестница с каждым моим шагом начинает подпрыгивать всё сильнее. Заложённая в конструкцию деформация ощущается так, словно перекладки вот-вот выскочат из вращающихся боковых направляющих. Я останавливаюсь, но лестница продолжает подпрыгивать и раскачиваться. Крепко вцепившись в неё обеими руками, я наклоняюсь вперёд.

– Тише, тише, спокойно, – кричит папа снизу.

– По-моему, она меня сейчас скинет!

Я смотрю вниз и вижу, что дядя Боб крепко вцепился в основание. Папа тоже удерживает лестницу ногой и обеими руками, но он смотрит на меня снизу вверх. Более мягко он говорит мне:

– Ставь ноги вплотную к боковинам.

Я потихоньку сдвигаю заляпанные краской кроссовки к противоположным концам ступеньки. Такой манёвр помогает: как только внешние края обуви упираются в боковины, движение лестницы замедляется. Я двигаюсь теперь более медленно и плавно, и вот уже раскачивающаяся средняя секция остаётся позади.

– Вот так лучше, – кричит папа.

Несмотря на крутизну, на самом верху третьей выдвижной секции я чувствую себя в большей безопасности, так как её конец упирается в шпиль церкви. Я смотрю направо и вижу родной город с высоты птичьего полёта. Фургоны и здоровенные седаны в самом центре Конкорда медленно проплывают по площади Монумент-сквер. Мама работает через два дома в страховой компании *Sentry Insurance*, напротив отеля *Concord's Colonial Inn*. На старом кладбище Олд Хилл рядом с церковью неровными рядами выстроились покосившиеся шиферные надгробия, высеченные за полвека до Войны за независимость.

Я лезу вверх и вот уже оказываюсь вровень с золотой кроной ближайшего клёна. Когда ветер кружит воздух, мимо меня пролетает дюжина жёлтых листьев, словно испуганные птицы. Движения становятся неуклюжими. Затем восходящий поток ветра, поднимающийся из бездны внизу, сотрясает лестницу и толкает меня. Я хватаюсь обеими руками за ступеньку и замираю в полуметра метрах от некрашеной доски.

¹¹ *Boston Bruins* – профессиональный хоккейный клуб, выступающий в НХЛ. Базируется в городе Бостон, Массачусетс, США.

Мир вокруг меня превращается в распахнутую пустоту и долгое падение на гранитные плиты. Лестница почти исчезает, и все мои чувства словно захлёбываются криком, уверяя, что я риску сорваться.

Громким и тонким голосом я кричу куда-то в середину лестницы.

– Тут страшно!

– Эй, послушай-ка! – хотя мы и дальше друг от друга, чем минуту назад, папин голос почему-то кажется громче. Я смотрю вниз и вижу, что он приложил ладони ко рту, чтобы усилить голос. Он ждёт, пока я буду в силах его выслушать.

Я расслабляю поднятые плечи и выпрямляюсь на ступеньке. С трудом выдохнув, я смотрю вверх и соображаю, сколько ещё осталось подниматься. Не глядя вниз, я кричу в воздух.

– Слушаю!

С нижнего конца лестницы ко мне через плечо доносятся слова отца:

– Думай о подъёме, а не о падении!

Глава 3

Я устоял на ледяную стену в двадцати сантиметрах от моего носа и замедлил дыхание. Чтобы ослабить крепкую хватку на засыпанной снегом ступеньке, я пошевелил четырьмя пальцами в перчатке. Затем стал сдвигать правый ботинок вправо, пока он не коснулся боковины. Сдвинув левый ботинок к левой боковине, я почувствовал себя увереннее. Стал думать о ступеньках и продолжил подъём. Расселина, конечно, никуда не делась и по-прежнему была внизу, но теперь она стала вроде как дальше.

Добравшись до верха, я перестегнул второй страховочный трос на закреплённую верёвку над якорным узлом. Отстегнул жумар от вертикальной верёвки, затем поднялся на последнюю ступеньку и присоединился к ПиКею на ровном льду.

– Хорошо, Джим-дай, хорошо.

Всё ещё с усилием переводя дыхание, я улыбнулся, но ничего не ответил. За следующий час мы пересекли десятки расщелин и поднялись ещё по нескольким лестницам. Чем дальше мы уходили от места смертельного обрушения, тем спокойнее мне становилось. Мы вскарабкались по последней лестнице и преодолели верхний край ледопада Кхумбу.

Перед нами открылся огромный овальный амфитеатр. Самый верхний шельф ледника Кхумбу знаменитый британский исследователь Джордж Мэллори¹² назвал Западный Кум¹³. Во время самой первой разведывательной экспедиции на Эверест¹⁴ в 1921 году Мэллори взял знакомое ему валлийское слово для обозначения ледниковой долины, замкнутой крутыми боковыми стенами. Такой удачный выбор слова превратил очередной колониальный топоним в гималайское чудо. Поскольку высокие стены долины блокируют шум ветра, альпинисты с тех пор прозвали это место Долиной Тишины.

Ледниковый бассейн Кума простирается почти на пять километров, и хотя ледник, по видимому, имеет небольшой уклон вверх, Западный Кум по всей длине постепенно поднимается более чем на 600 метров. Далёкая вершина ледового поля высится на 6705 метров над уровнем моря. Я стоял на самом высоком леднике мира.

Ледник казался ровным и гладким по сравнению с хаотичной навалю ледопада, с которого мы недавно ушли, но, изучая топографические карты и аэрофотоснимки, я понял, что его показное смирение обманчиво. Десятки больших трещин прорезали ледник шириной в восемьсот метров видимыми целевыми каньонами – это означало, что ещё не меньше сот-ни трещин скрыты под невинно выглядящим снегом. По мере того, как лёд непрерывно стекает со склона, образуются новые трещины, а старые смыкаются. Хотя человеческому глазу трудно заметить это, пребывающий в постоянном движении ледник Кхумбу ползёт здесь вниз со скоростью около метра в день. Гравитация непрерывно сдвигает лёд с горы так же незаметно, как снежный барс крадёт за добычей. Затем, словно прыгающий леопард, лёд в мгновение ока срывается вниз.

¹² Джордж Герберт Ли Мэллори (1886–1924) – британский альпинист, участник трёх британских экспедиций на Эверест, считается первым, кто предпринял попытку восхождения на его вершину. Пропал без вести во время восхождения в 1924 году с напарником по связке, Эндрю Ирвином. Останки Джорджа Мэллори были обнаружены только в 1999 году американской поисковой экспедицией, тело Эндрю Ирвина до сих пор так и не найдено.

¹³ Джордж Мэллори со своей командой исследовал в 1921 году подходы к Эвересту со стороны Тибета. Он заметил Западный Кум (Cwm, уэльск. – «долина»), глядя с хребта Пумори-Лингтрэн, примерно на 900 метров по вертикали выше того, что позже станет местом расположения Базового лагеря со стороны Непала – того самого лагеря, который используется и сегодня (Прим. авт).

¹⁴ Британская разведывательная экспедиция на Эверест 1921 года – горная экспедиция, организованная с целью исследовать окрестности Эвереста (Джомолунгмы), рекогносцировать возможные маршруты восхождения на вершину этой горы и, при возможности, совершить первовосхождение на высочайшую вершину мира. До этой экспедиции ни один европейский исследователь не подходил к Эвересту ближе чем на сотню километров.

Покинув Базовый лагерь около трёх часов ночи, мы провели последние пять часов в пределах ледопада. Когда перед нами открылся Кум, я наконец-то смог заглянуть далеко вперёд. Дюжина альпинистов из разных экспедиций двигалась впереди нас к Первому лагерю, до него оставалось около сорока минут ходу.

Нам предстояло провести две ночи на леднике в Первом лагере, чтобы хотя бы частично акклиматизироваться к пребыванию на высоте 6000 метров. Затем мы планировали перебраться во Второй лагерь на дальней стороне ледникового бассейна. Адаптация к высоте 6400 метров станет подлинным мучением. Заставлять наши тела акклиматизироваться к всё более низким уровням содержания кислорода всегда жестоко, но это как раз то, что нужно, если мы хотим попытаться достичь вершины в ближайший месяц.

Восхождение на большую высоту требует немалых усилий, что причиняет значительный дискомфорт. Эти трудности и сопутствующие им опасности заставляют умников на равнинах гадать, что гонит альпинистов вверх. Впервые я увлёкся альпинизмом из-за множества присущих ему преимуществ: физические тренировки, азарт, природа, пейзажи и т. д. Но так как эти удовольствия доступны и тем, кто выбирает более безопасные и лёгкие занятия, например пешие походы или приключенческий туризм, наверняка должны быть и более глубокие причины совершать восхождения.

Многие альпинисты, которых я знаю, особенно те, кто увлечён альпинизмом уже не первый год, движимы страстью и стремлением к постоянному самосовершенствованию. Мы с товарищами по восхождению разделяем взаимное обязательство защищать друг друга и помогать реализовать наши мечты. Этот дух товарищества очень силен.

В чайных домиках и шумных горных тавернах в Гималаях я пускался в пространные разговоры с другими альпинистами о том, что же всё-таки движет нами. Мы часто с благоговением рассуждаем о миролюбии, духовности и связи с Землёй. Долгие дни в горах дарят приятное утомление моему телу и умиротворение разуму. Альпинизм – некая форма медитации в движении.

В то время как некоторые люди надеются обрести страсть посредством музыки или марафонского бега, я уже нашёл свою, и это – горы. Восхождения не только позволяют мне развивать столь значимые аспекты жизни, но и позволяют ощутить личностный рост в ходе путешествия по самым великолепным диким местам планеты. Высокие горы олицетворяют необъятность, яркость и вдохновение. В сущности, я поднимаюсь, чтобы испытать благоговейный трепет.

С десяти лет, когда я впервые увидел в принадлежавшей родителям энциклопедии чёрно-белую фотографию парящей в небе вершины, Эверест заворожил меня. Это манящее чудо вдохновляло на занятия альпинизмом и новые восхождения в течение трёх десятилетий, и ради этого я старался найти альпинизму место в своей жизни, занимаясь образованием, карьерой и семьёй. Поиски благоговейного трепета наконец привели меня к Эвересту.

* * *

Верховья ледника Кхумбу плотно прижимаются к трём уходящим ввысь боковым стенкам ледового бассейна. Слева над нами возвышалось западное плечо 1200 метров высотой. Справа от нас крутая скала, выступающая из края ледника, круто вздымалась на полтора километра вверх, к вершине горы Нупцзе¹⁵ на высоте 7861 метр. В пяти километрах впереди верх-

¹⁵ Нупцзе – вершина в районе Кхумбу, хребет Махалангур-Химал, Непал. Расположена в 2 км к западу-юго-западу от высшей точки горы Эверест (Джомолунгмы). По-тибетски Нупцзе означает «западный пик», так как это западный сегмент массива Лхоцзе – Нупцзе. В гребне массива Нупцзе, протянувшегося с востока на запад, выделяют семь вершин, все высотой более 7500 м.

ний конец ледника Кхумбу подходил к подножию горы Лхоцзе¹⁶. Крутая ледяная стена под углом поднималась почти на 2 километра к горе Лхоцзе высотой 8 516 метров, четвёртой по высоте вершине мира.

В середине мая мы планировали подняться до середины Стены Лхоцзе, а затем на высоте около 7467 метров повернуть налево. Мы намеревались траверсом пройти на север по знаменитой осыпающейся Жёлтой Полосе¹⁷, а потом свернуть к Четвёртому лагерю на Южном седле¹⁸. Верхняя пирамида Эвереста оставалась бы скрытой из виду слева от нас. С нашей позиции – чуть ниже Первого лагеря – было видно, что вершина высотой 8848 метров по-прежнему высится на три с лишним километра у нас над головой.

Обширный горный цирк, его красота и изумление от сознания, что вот я стою в этом потрясающем месте, лишили меня дара речи. Спустя четыре десятилетия после того, как папа посоветовал мне прочитать мою первую книгу об Эвересте, я действительно оказался тут.

* * *

Я увлёкся скалолазанием в 1982 году, и на тот момент на высочайшей вершине мира побывали только несколько спортсменов из самой элиты. Когда мне было двадцать лет, Эверест представлялся самой главной из заоблачных целей, какие я только мог перед собой поставить. Даже для того, чтобы добраться до подножия горы, предстояло сделать больше и изменить себя сильнее, чем мне доводилось до тех пор.

Разговоры об Эвересте с приятелями-скалолазами были интересны и увлекательны, но для неспортивного парня вроде меня, из равнинного Массачусетса, мысль о восхождении на Эверест казалась невероятной. Я даже полтора километра не мог пробежать во время сдачи школьных нормативов по физкультуре. Желание стать альпинистом требовало изрядной физической подготовки и сосредоточенности. Серьёзность принятого решения пугала и одновременно придавала мне сил. В колледже я начал выбирать для себя занятия, которые постепенно могли бы превратить меня в человека, готового когда-нибудь попытаться счастья и задуматься о восхождении на большую гору, кто знает, может, даже на Эверест. Я учился, тренировался и уходил в горы.

В Колорадо я перебрался в 1986 году, чтобы жить поближе к Скалистым горам. За двенадцать лет я прошёл сотни сложных маршрутов и поднялся на десятки вершин высотой более 4 км, которые хорошо известны всем жителям Колорадо. Я перелопатил книги по альпинизму и искал людей, которые могли бы рассказать мне больше о высоких горах. За следующее десятилетие в команде с другими увлечёнными альпинистами я участвовал в десятке экспедиций в Северной Америке, Южной Америке и Азии. Начиная с 2009 года я сосредоточился на экстремально-высотных восхождениях. В тот год я поднялся на шестую по высоте вершину в мире, Чо-Ойю (8201 м), а затем стал засматриваться ещё выше. После тридцати трёх лет занятия альпинизмом, 25 апреля 2015 года, я, наконец-то, начал восхождение на Эверест.

Нам оставалось подняться по вертикали всего на 60 метров, чтобы добраться до Первого лагеря, и тропа вдоль зафиксированных верёвок пересекала огромные, неправильной формы глыбы ледниковых обломков. ПиКей вёл нас зигзагами, и мы обходили одну гигантскую трещину за другой. Щели глубиной почти в 50 метров практически окружали каждый ледниковый

¹⁶ Лхоцзе (8516 м) – гора в Гималаях. Четвёртый по высоте восьмитысячник мира. Находится на границе Китая (Тибетский авт. район) и Непала, в горном хребте Махалангур-Химал.

¹⁷ Жёлтая Полоса (*The Yellow Band*) – осадочные породы из песчаника, верхняя отметка – 7 620 м на Эвересте.

¹⁸ Южное седло (7 906 м) – перевал на границе Непала и КНР, на соединении Эвереста (8 848 м) и Лходзе (Лходзе Главная – 8 516 м, Лходзе Средняя – 8 414 м и Лходзе-Шар – 8 383 м), первой и четвёртой по высоте вершин в мире. Когда альпинисты совершают восхождения на Эверест по юго-восточному ребру со стороны Непала, последний Четвёртый лагерь делается на Южном седле. Там почти постоянно дуют сильные ветра, препятствуя накоплению снега.

столб, позволяя понять, какое ужасающее давление испытывает ледник, протискиваясь между сужающимися каменными стенами и устремляясь к ледопаду позади нас.

Когда солнечный свет проходит через ледник, плотный лёд избирательно поглощает красные и жёлтые волны, так что остаётся только синий свет. Чем глубже трещина, тем более синей она кажется. Жуткие расселины испускали ярко-синее сияние, словно в недрах земли скрывался источник неведомой энергии. Самые громадные и самые синие трещины из всех, что я когда-либо видел.

До Лагеря оставалось всего двадцать минут ходу, но мне нужны были вода и солнцезащитный крем. Несмотря на искушение проигнорировать собственные потребности и просто двигаться дальше, я заранее дал себе обещание в этой экспедиции особенно внимательно следить за своим состоянием. Заявиться в лагерь, спотыкаясь от обезвоживания и с солнечными ожогами, было недопустимо. Я был настроен продержаться на горе достаточно долго, чтобы предпринять попытку восхождения на вершину.

Как только мы достигли середины ледового острова, через который шли, я попросил остановиться. Снял верхнюю мембранную куртку и сунул её в рюкзак. Пока мы пили воду, мимо прошла пара наших товарищей по команде. Мы с моим другом Бартом Уильямсом и его непальским проводником Лакпа-Бхоте молча кивнули друг другу и подняли большие пальцы вверх, когда они обогнали нас.

Мгновение спустя, пока я втирал в щёки белый солнцезащитный крем, мне показалось, что над нами я вижу двух альпинистов из другой команды, и они движутся, не пристёгиваясь к провешенной по леднику верёвке. Я прищурился и посмотрел внимательнее. Так и есть. Тот из них, кто шёл первым, перешагнул через узкую трещину, не снимая карабин и не перестёгивая страховочный трос. Затем второй альпинист сделал то же самое. Они шли по леднику без страховки.

Сбоку мне хорошо был виден участок ледника, через который они шли, и метрах в трёх с половиной от них справа была глубокая расселина. Создавалось обманчивое впечатление, что плоская поверхность ледника неопасна, но при наличии трещин и провешенной в обход них верёвки риск, на который они пошли ради экономии нескольких минут, казался ненужным. Наблюдая за тем, как они без страховки бредут среди открытых трещин, я ощутил тревожный прилив неприятного жара.

Мы с ПиКеем закончили короткую передышку, взвалили на плечи рюкзаки и начали заключительную часть перехода. Мы добрались до относительно безопасного Лагеря примерно в полдевятого утра. Барт стоял возле оранжевой палатки-кухни, поджидая нас. Останавливаясь после каждого шага, чтобы перевести дыхание, я направился к нему и остановился, не дойдя полметра. Барт ухмыльнулся.

– Добро пожаловать в Первый лагерь.

Трудолюбивые шерпы и проводники из нашей экспедиционной компании, *International Mountain Guides (IMG)*, разбили лагерь ещё за несколько дней до нашего прибытия. Кроме палатки-кухни и оранжевой палатки-склада на нашем участке было двенадцать жёлтых спальных палаток, образующих грубый овал метров двадцать пять в длину и двенадцать в ширину. Гигантские открытые расселины пересекали ледник всего в нескольких метрах выше и ниже нашего лагеря. Нечего и думать бродить вокруг.

Периметр лагеря был обозначен бамбуковыми колышками высотой по колено, воткнутыми в снег. На верхушках палаток развешивались короткие полоски мерной геодезической ленты из розового пластика. Если учитывать дюжину других экспедиций, обосновавшихся поблизости, численность маленькой общины на леднике составляла около сотни человек.

Первый лагерь заслоняли западное плечо Эвереста в нескольких сотнях метров к северу и Стена Нупце мером в трёхстах к югу. Почти все экспедиции, выбирающие южный маршрут

на Эверест, начиная со швейцарской экспедиции 1952 года, разбивали лагерь в этом же районе на среднем участке ледника.

Барт провёл меня через лагерь к нашей палатке метрах в двадцати. На прошлой неделе мы с ним тоже ночевали в одной палатке, когда в порядке акклиматизации поднялись на вершину Лобуче Восточная¹⁹ высотой 6119 м. В свои шестьдесят лет Барт был мягок и дружелюбен, и общаться с ним было очень легко. Старший финансовый консультант по профессии, он оставался умным и приятным собеседником даже после долгих часов вынужденного сидения в холодной палатке. Барт был преданным семьянином и всегда улыбался, рассказывая о своих детях и внуках.

Я со стоном снял личное снаряжение и уронил его прямо в снег. Затем по одному предмету враз стал передавать Барту в палатку. Даже от такой незначительной нагрузки пульс и частота дыхания у меня зачастили. Я напомнил себе, что двигаться надо медленнее, чем обычно.

Из палатки-кухни на другом конце лагеря к нам направился ПиКей, держа в каждой руке по пластиковому стаканчику. Он протянул один мне со словами:

– Лимонный сок.

Я отхлебнул терпкий лимонад и вздохнул.

– Спасибо, ПиКей.

Вблизи Эвереста может быть нестерпимо холодно и уже через несколько часов невероятно жарко. Разрежённая атмосфера пропускает солнечное тепло, и оно поджаривает нас, а белая поверхность снега отражает солнечные лучи во всех направлениях. Неосторожный альпинист может заработать солнечный ожог под подбородком из-за отражаемого вверх солнечного света. Я даже слышал об альпинистах, получивших ожог нёба в солнечную погоду из-за того, что слишком долго стояли и отдыхались, широко раскрыв рот.

В белой чаше Западного Кума солнечное тепло, похоже, многократно отражалось от гладких стен, так что тут было не просто тепло, а почти что жарко. Большую часть весны здесь днём образуется плотный облачный покров, облака задерживают тепло и вынуждают альпинистов изнемогать от жары. Регулярная профилактика обезвоживания имеет решающее значение на высоте, поэтому я прервал распаковку и выпил сладкий напиток. Между глотками я любовался видом к западу над ледопадом. Наполовину скрытые облаками, ближайшие пики Пумори²⁰ и Лингтрэн²¹ уходили на полтора километра в небо прямо за Базовым лагерьем.

– ПиКей, спасибо, что провёл нас сегодня через ледопад.

– Нет проблем, – сказал он с усмешкой.

Недосып и выматывающий подъём утомили меня. Но голова оставалась ясной, и я испытывал восторг от того, что добрался сюда, – а во время пребывания на большой высоте и то и другое было превосходным знаком. После дюжины предыдущих восхождений на подобную высоту сейчас я чувствовал себя лучше, чем когда-либо на высоте 6000 метров. Всё говорило о том, что я был на верном пути и после правильной подготовки сумею подняться на Эверест.

Я заполз в нашу жёлтую палатку-купол и разложил вещи и снаряжение. Каждые несколько минут в лагерь прибывали новые товарищи по команде и их напарники-шерпы. Когда слышал, как они входят в лагерь, я обычно высовывал голову в дверной проём и выкри-

¹⁹ Лобуче – гора в Гималаях на территории Непала, в одноимённом поселении Лобуче, недалеко от ледника Кхумбу. У горы две вершины: Лобуче Восточная (6119 м) и Лобуче Западная (6145 м). Вершины разделяет длинный хребет. Первое зарегистрированное восхождение на гору осуществил Лоуренс Нильсон 25 апреля 1984 года.

²⁰ Пумори – вершина в Гималаях в хребте Махалангур-Химал в части Кхумбу-Гимал на границе Непала и Тибета. Пумори находится в 8 км к западу от Эвереста. В переводе с языка шерпов «Пумори» означает «незамужняя дочь». Название горе дал Джордж Мэллори, и альпинисты называют Пумори дочерью Эвереста.

²¹ Лингтрэн (6749 м) – гора в районе Махалангур-Химал, примерно в 8 км от Эвереста по прямой линии. Находится на границе Непала и Тибетского автономного района Китая.

кивал приветствие. Большинство альпинистов выглядели усталыми, но счастливыми. Непальские проводники казались невозмутимыми. Поскольку их предки жили в этих высокогорных долинах более шестисот лет назад, шерпы благодаря своей природе чувствовали себя на высоте гораздо лучше, чем все мы. Наши непальские проводники несколько раз за предыдущую неделю доставляли сюда запасы продуктов и снаряжения, так что они были в превосходной форме и отлично акклиматизированы. Всякий раз, как я выглядывал наружу, над горой сгущались облака и заполняли долину Кхумбу под нами.

Моя жена Глория очень переживала по поводу моего первого восхождения по нестабильному ледопаду. Чтобы успокоить её, я достал со дна рюкзака навигатор *GPS*²², с помощью которого можно отправлять и получать текстовые сообщения. В 10:51 утра я написал: «Лагерь 1, всё норм. Чувствую себя отлично. Двигались чётко, дошли быстро, за 5 часов». Видимость ухудшилась, а до обеда оставалось ещё два часа, и мы с Бартом решили вздремнуть. Я с трудом снял один из верхней пары трёхслойных большущих ботинок. Через минуту, тяжело дыша, собрался с силами и справился со вторым. Снял верхнюю одежду и залез в спальник. Плотный пуховый подголовник показался особенно уютным, и я почти тут же заснул.

Сквозь сон я почувствовал, как острый твёрдый край ледника впивается мне в правое бедро. Я перекатился на спину, и спальник с шуршанием скользнул по тонкой нейлоновой стенке палатки. Стоило лишь перевернуться с боку на спину, как от усилия на большой высоте сердце бешено застучало. Я задохнулся, хватая воздух ртом.

Барт, лежавший рядом со мной, похоже, ещё спал. В лагере было тихо. Неспешный отдых казался настоящей роскошью.

Слева от меня что-то тихо прошумело. Я ещё не до конца проснулся и решил, что Барт, должно быть, ткнулся в свой край палатки. Но звук казался слишком громким и долгим. Рокочущий гул нарастал и приближался, словно шёл снаружи. «Странно», – подумал я.

Я высунул голову из спальника и прислушался. Барт пошевелился.

– Лавина? – спросил он.

– Да. Похоже на то.

Всю предыдущую неделю в Базовом лагере мы ежедневно слышали лавины. Обычно они сходили в нескольких километрах от нас и двигались в другую сторону, так что особой опасности не представляли. Чаще всего шум быстро стихал. Но в этот раз гул не прекращался.

В моей голове вспыхнула картинка: над нами же свисают ледовые поля. Сквозь тонкую, как бумага, ткань палатки было слышно, что шум грохочет всё ближе и громче. В груди у меня всё сжалось.

– Ого, уже близко, – сказал Барт.

Мы с ним сели. Словно пытаюсь увидеть что-то сквозь жёлтую ткань палатки, мы оба уставились налево, в сторону Нупце.

И вдруг справа раздался оглушительный грохот. Мы резко повернули головы туда. В следующее мгновение грохот превратился в подобный грому рокот. Ещё одна лавина, с другого склона.

– Что-то тут не так! – крикнул я. – Хватай шапку и маячок²³ и давай наружу!

Стараясь перекричать нестерпимо нарастающий грохот, Барт заорал в ответ.

– Нет у меня маячка!

²² *GPS* – глобальная система позиционирования.

²³ Лавинный маячок (он же датчик, или бипер) – прибор, излучающий и получающий сигналы на определённой частоте. Другие устройства, находящиеся в режиме приёма, эти радиосигналы получают и позволяют с относительной точностью определить местоположение излучающего устройства. Для человека, попавшего в снежную лавину, прибор становится единственным шансом на спасение. Принцип работы маячков один и тот же. Все они принимают сигналы и передают их. Разница состоит в методах воспроизведения полученных сигналов.

– Тогда просто вали, быстрее!

Барт задёргался, пытаясь вылезти из спальника. Я рванулся к двери палатки и потянулся к молнии, но промахнулся, оттого что палатку вдруг резко подкинуло. И мы, и палатка, и весь ледник под нами толщиной в триста метров подскочили на двадцать сантиметров в воздух.

Внутри у меня всё перевернулось.

Через долю секунды нас швырнуло вниз.

Затем палатку снова подбросило. Казалось, мы не меньше двух секунд парили в воздухе, а потом снова рухнули вниз.

Внутри палатки мы с Бартом одновременно то взлетали вверх, то приземлялись обратно, словно плыли в спасательной шлюпке по океанской зыби.

– Плохо дело! – крикнул я.

– Что это? – вскрикнул Барт.

Вертикальное движение на мгновение прекратилось, а потом ледник под нами будто содрогнулся.

Да что ж это такое-то?

Наверное, две мощные лавины разом обрушились на ледник с такой силой, что всё ледовое поле вибрировало, как барабан. Но всё равно что-то не стыковалось.

Откуда это содрогание и почему две лавины одновременно сошли с разных сторон?

И тут меня осенило.

Землетрясение!

Глава 4

Земля вздрагивала чаще, и обе лавины грохотали всё громче.

Если мы так и будем сидеть в палатке, когда они настигнут нас, значительная площадь поверхности палатки затащит нас под снежную массу и будет держать там, как якорь. Если мы будем снаружи, наши шансы на выживание повысятся, может, даже получится удержаться в верхнем слое ползущей лавины.

Скорее наружу!

Барт пополз к выходу. Я, наконец, расстегнул молнию на двери, и он торопливо выбрался на улицу. Я вылез из спальника и поспешил за ним.

Прежде чем покинуть палатку, я окинул взглядом снаряжение, соображая, не пригодится ли мне что-нибудь. Заметил свой лавинный трансивер²⁴ и подумал, не включить ли его. Если я окажусь погребён под лавиной, маячок поможет отыскать меня раньше, чем я задохнусь. Даже в случае моей гибели, настроенный на постоянную передачу сигнала маячок поможет точно определить, где находится тело. Быстрое обнаружение трупа облегчит работу спасателей и горе моей семьи, чего не будет, если тело так и останется под снегом.

Я выхватил из сетчатого бокового кармана на стенке палатки гаджет размером с ладонь. Утопив внутрь пластиковый предохранитель, включил маячок. Пять секунд на проверку системы, и он заработает. Я уставился на маленький экран, отчаянно желая, чтобы электроника ожила быстрее.

Грохот лавин снаружи оглушал. Я надеялся, что, задержавшись в палатке на несколько бесценных секунд, я не совершаю фатальную ошибку.

Наконец, маячок пискнул и мигнул оранжевым. Я было хотел просто взять трансивер и выскочить наружу, чтобы сэкономить несколько секунд, но мне пришлось закрепить на себе маячок, чтобы он не выключился, если лавина начнёт швырять меня. Я сунул в петлю крепления левую руку, поднял нейлоновый ремень на плечо, перекинул через голову, затем затянул и обернул его вокруг пояса. Поднялся на колени и защёлкнул чёрную пряжку.

Сквозь пол палатки чувствовалось, как под самыми моими коленными чашечками дрожит ледник. Чем дольше содрогается земля, тем сильнее оказывается землетрясение.

Рядом со мной лежала маленькая камера *GoPro*. Если мы все погибнем, запись станет документальным свидетельством случившегося. А если я выживу, у меня останется потрясающее видео. Я нажал кнопку включения и полез из палатки с камерой в руке.

Старайтесь держаться в самом верхнем слое сползающей вниз снежной массы, что бы ни случилось.

Когда я выбрался наружу, рядом с палаткой стояли восемь из моих товарищей по команде. Все они глядели на юг, на лавину, что, видимо, шла на нас со стороны Нупцзе. Я тоже повернулся туда, но увидел лишь завесу густых облаков.

Я развернулся в сторону второй грохотающей лавины. Тоже облака. Неясно было, приближается ли сход к нам.

Никто не бежал, потому что бежать нам было некуда. Поскольку лагерь изначально был практически окружён трещинами, единственным безопасным направлением движения был путь на север, к западному плечу Эвереста. Но если мы сейчас сорвёмся с места и побежим туда, то пойдём аккурат на сближение со второй лавиной.

Так что мы так и стояли, тарасились на облака и ждали. Я гадал, какая из лавин окажется настолько массивной, что прорвётся через ледник и захватит наш лагерь. Может, ни одна из

²⁴ Трансивер – прибор, способный как принимать, так и передавать сигналы.

двух. А может, и обе. Я переводил взгляд то туда, то сюда, пытаюсь угадать, с какой из сторон стоит ждать первого удара.

Сильный порыв ветра ударил мне в лицо, и я инстинктивно повернулся к нему спиной. Споткнулся и сделал полшага вперёд. Нога ударилась о твёрдый лёд, и пальцы ног пронзила боль. Я опустил глаза и понял, что выскочил из палатки в одних носках.

Без ботинок. *Идиот!*

Ещё один порыв ветра, более сильный, толкнул меня с другой стороны. Показалось странно, что такие сильные ветры неожиданно налетели с противоположных сторон. Затем я вспомнил материал из курса динамики снежных масс и лавиноведения, который когда-то проходил. Большие лавины, устремляясь вниз со склона, толкают перед собой массу воздуха²⁵. Значит, эти порывы ветра с разных сторон вовсе не погодные явления – это воздушные волны из сжатого воздуха, которые, словно бульдозеры, движутся перед лавинами. Выходит, обе лавины идут на нас.

Вторая воздушная волна принесла с собой твёрдые частички льда. Белое крошево обрушилось мне на плечи, жала лицо, словно кто-то бросил в меня ледяным песком. В одно мгновение видимость упала с трёхсот метров до менее десяти. Большая часть нашей команды пропала из виду – нет, *я вовсе не думал*, что их унесло, но уверенности у меня не было.

Порыв ветра сильно толкнул меня сзади. Я испугался, что ветер может сбить меня с ног и закинуть в трещину. Подумал, может, стоит лечь. Но для того, кто лежит на земле, повышается опасность оказаться погребённым под лавинной массой, когда она доберётся сюда.

В качестве компромисса я опустил на одно колено и ссутулился, защищаясь от ветра. От такого движения поневоле приблизил лицо к видеокамере, которую так и держал в руке. Неподвижный красный сигнал подсказывал, что камера включена, но запись не идёт. Забыв нажать кнопку, я упустил шанс поймать в камеру начало лавины. *Чёрт!*

Как геолог я решил, что должен документально зафиксировать случившееся землетрясение и сход лавин, чтобы кто-нибудь потом сумел выяснить, что, чёрт возьми, тут произошло. Кроме этого, я мало что мог сделать. Я нажал на кнопку записи.

Подняв голову от камеры, я смотрел, как два ближайших ко мне товарища по команде исчезли в клубящемся белом вихре. Видимость теперь была нулевой.

Воздух стал густым от ледяной пыли. Вдохнув, я захлебнулся мельчайшими частицами смёрзшейся грязи. Я поперхнулся и стал жадно переводить дыхание, от чего в горло мне словно вонзилась новая сотня ледяных кинжалов. Они царапали, жгли и опаляли холодом дыхательные пути.

Пытаясь как-то заслониться от сгущающейся взвеси в воздухе, я прижал к носу согнутую в локте левую руку. Попытался втянуть воздух ртом из-под руки. Вместо воздуха в горло попала такая неприятная гадость, что показалось, будто я вдыхаю молочный коктейль.

Не могу дышать!

Меня охватила паника.

Не смогу оставаться снаружи.

Я вслепую выбросил вперёд правую руку и наткнулся на палатку. Спешно залез внутрь и попробовал открыть глаза. Внутри палатки кружил ветер с ледяным крошевом. Я снова зажмурился и двумя руками попытался застегнуть наружный входной клапан. Как только молния оказалась в основном закрыта, ветер внутри ослабел. Я приоткрыл веки, но из-за ледяной пыли и капель воды, попавших в глаза, всё вокруг расплывалось. Я поморгал, и зрение прояснилось. В палатке я был один.

²⁵ Имеется в виду так называемая воздушная предлавиная волна (также иногда воздушная лавина) – обладающий значительной силой снеговоздушный поток, который создаёт перед собой фронт движущейся лавинной массы. Как правило, его распространение сопровождается сильным шумовым эффектом и производит наибольшие разрушения. В зависимости от наличия воздушной волны лавины классифицируются на ударные и безударные.

– Барт! Барт, где ты? – заорал я.

Ветер ревел с такой силой, что я сам с трудом слышал свой голос. В Долине Тишины больше не было тишины.

Палатка перестала трястись. Я чуть выпрямился и подумал: «Всё кончилось?»

И вдруг в северную стенку палатки ударил еще более сильный порыв ветра – как раз с той стороны, откуда шла вторая лавина. В любой момент вместо крохотных кристалликов льда на нас могли обрушиться ледяные глыбы размером с микроволновки, холодильники или даже дома.

А я-то надеялся, что лавины не затронут нас, но непрекращающийся грохот словно от пороховых взрывов указывал, что они по-прежнему движутся в нашу сторону. Через минуту все в лагере будут погребены. В голове у меня мелькнули Глория и дети. Я обхватил левой рукой лавинный маячок и прижал его к себе.

Ветер то ослабевал, то налетал с новой силой, и мельчайшие частицы льда волнами накачивали на палатку. Каждый раз вихрь распылённых ледяных кристаллов скользил по нейлоновой палатке с громким шелестом. Как только в стены её ударяли более сильные воздушные волны, белый шум приближающейся лавины нарастал по громкости и высоте.

Снаружи воздушные волны сходящихся лавин столкнулись и стали выяснять, кто из них сильнее. От порывов лавинного ветра, сорвавшегося с западного плеча Эвереста, палатка накренилась к югу. Затем раздался грохот и словно взрыв со стороны Нупцзе, и купол палатки вдавило внутрь. Стенки содрогались, пока сошедшиеся в схватке шквалы по кругу гонялись друг за другом. Два огромных диких зверя сошлись, чтобы объявить своей добычей Первый лагерь и всех нас, разместившихся в нём.

Я смотрел то в одну сторону, то в другую, ориентируясь на более сильный шум. Стараясь держаться подальше от стенок палатки, я переполз на её середину и сжался. Дверь я застегнул не полностью, так что внутрь устремились крошечные кристаллики льда. Белая пыль кружилась в палатке, словно снежная буря. Ноги у меня так и были в носках, и их на полсантиметра припорошило снежной пудрой.

Затем я вспомнил, что, забираясь в палатку, бросил возле себя всё ещё работавшую камеру *GoPro*. Я поднял её, и, хотя объектив был покрыт наполовину растаявшим снегом, направил её на себя, и заговорил:

– Тут сошла...

Запищал звуковой сигнал. *Раз. Другой.* Меня прервало резкое предупреждение электроники. Я начал сначала.

– Тут сошла огромная лавина с сильной воздушной волной.

Громкое «ш-ш-ш» раздалось снаружи палатки, и стало ясно, что разгоревшаяся схватка ветров опять изменила направление.

– А вот ещё одна! – сказал я.

Действующий на нервы сигнал пищал раз в секунду.

– А может, это две лавины разом. Точно не знаю.

Широко раскрыв глаза, я напряжённо вслушивался: завывание ветра и шипение снега становились всё громче.

– Чёрт!

Я до конца застегнул молнию на двери и снова посмотрел в камеру.

– Я надел маячок.

Ну, конечно! Маячок! Я-то думал, что это камера то и дело пищит, но, наконец, сообразил, что звук исходит от моего лавинного трансивера. Перевёл взгляд на маячок у себя на груди, но без очков я плохо вижу. Опустил камеру на пол палатки и стал возиться с передатчиком. Почему же он пищит?

Мысли, взбудораженные от волнения, немного прояснились, я сосредоточился и понял, что, торопясь в испуге активировать маячок, я по ошибке слишком резко нажал переключатель выбора режима, так что он проскочил деление «передача» и теперь работал в режиме поиска. Он так и не передавал ничего. Если бы я оказался под лавиной, от маячка в таком режиме не было бы никакого толку.

Чёрт! Большие никаких ошибок!

Непрекращающийся писк в режиме поиска означал, что я получаю сигналы от ближайшего маячка. Кто-то другой тоже подаёт сигналы, обозначая своё местоположение. Хотя в двадцати метрах от меня изначально были товарищи по команде, тридцать один человек, в палатке мне казалось, что я совсем один. По крайней мере, писк помог мне хоть на расстоянии ощутить, что рядом кто-то есть.

Нацепив очки для чтения, я сумел рассмотреть, как изменить настройку маячка с «поиска» на «передачу». Писк прекратился. Наконец-то маячок стал защищать меня.

Холод обжигал мокрое лицо. Я крепко зажмурился и поморщился. Хотя сейчас неясно было, сможет ли кто-нибудь когда-нибудь отыскать мою камеру, мне хотелось продолжать записывать видеоблог как можно дольше, просто на всякий случай. Понимая, что Глория и двое наших детей, Джесс и Ник, возможно, когда-нибудь увидят эту запись, я подумал: «Нельзя допустить, чтобы они увидели мой страх в конце, иначе мысль об этом будет потом мучить их».

Сделав глубокий вдох, я попытался спокойно заговорить в камеру:

– Они кружат по ледовому бассейну. Лавины сошли примерно две минуты назад.

Ветер стал стихать. Сквозь стенки палатки стали просачиваться другие звуки, но их было непросто различить из-за моего напряжённого пыхтения. Я постарался хоть как-то замедлить дыхание. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем я сказал в камеру:

– Кажется, всё закончилось. Пожалуй, мне стоит одеться и выйти наружу.

Я нажал верхнюю кнопку видеокамеры. Запись прекратилась, но камера осталась включённой. Я бросил её на спальный коврик и огляделся, пытаюсь сообразить, что делать дальше. Снежная пыль, которой я был обсыпан с головы до ног, начала таять, и я стряхнул её. Затем взял первый из своих альпинистских ботинок. Натянул его, туго зафиксировал внутренние шнурки, но долго не мог справиться с простым узлом сверху.

Продолжая воевать с ботинком, гадал, что же увижу снаружи. Может, всё в порядке, может, кого-то засыпало. А вдруг засыпало *всех*? Меня окатило горячей волной адреналина. А что если в живых остался только я?

Я заорал:

– Барт, ты снаружи?

Никакого ответа.

Руки у меня тряслись, и я никак не мог правильно надеть застёжки внешнего ботинка. Снаружи кто-то присел на корточки возле нашей палатки, расстегнул молнию на двери и просунул голову внутрь. На чёрные волосы налипли белые хлопья снега – ПиКей.

– Все на месте? – спросил я.

– Всё хорошо.

Увидев его, я испытал облегчение, но мне показалось, он просто старается успокоить меня, а не отвечает на вопрос.

– Ты-то в порядке, ПиКей?

– Да. Не волнуйся, я здесь.

Где-то рядом рация быстро тараторила по-непальски. Мы с ПиКеем замолчали и прислушались. ПиКей стоял на коленях у входа в палатку и загоразивал мне обзор, а сам осматривал лагерь. Я думал, не засыпало ли кого-нибудь, не скинуло ли в трещину.

Я сказал:

– Стоит всех посчитать...

ПиКей поднял голову и заговорил с кем-то по-непальски, я его не понял. Он выпрямился и от моей палатки поспешил куда-то через весь лагерь. Дверной проём освободился, и я увидел, что несколько человек из нашей команды спуют туда-сюда.

Откуда-то издали доносились другие голоса, одни говорили по-непальски, другие по-английски. Люди начали вылезать из палаток. ПиКей казался вполне спокойным, так что, должно быть, дела в лагере обстоят неплохо. Прошло пять минут с начала схода лавин и две минуты с тех пор, как затихли порывы ветра. Я смотрел в пол палатки, не зная, что делать дальше. Хаос вроде бы и прекратился, но слишком многое оставалось неясным.

Камера, которую я так и держал в руке, мигала красным. Очевидно, я перезапустил запись, когда ПиКей расстегнул дверь палатки. Я сделал три размеренных вдоха, затем посмотрел в покрытый влагой объектив и сказал:

– Мы собираемся сделать переключку, чтобы проверить, все ли тут.

Постепенно до меня начала доходить чудовищность случившегося. Две лавины сошли одновременно... Ледник под нами трясся и подпрыгивал... Должно быть, это было сильнейшее землетрясение. Я знал, что на поверхности земли люди начинают ощущать слабые толчки землетрясения, начиная с магнитуды в 4,0 балла. Да, но у нас-то тут было куда сильнее.

Чувствуя постоянное присутствие камеры, я посмотрел в объектив.

– Судя по звукам, лавина шла со стороны, э-э, Нупцзе. Но потом мне показалось, что сошла ещё одна. Трудно сказать наверняка. Громыхало со всех сторон.

Я посмотрел на стенку палатки и помолчал.

– Ладно. Мне нужно одеться. На связи.

Выключив камеру, я сунул её в карман куртки. Затем схватил второй ботинок и натянул его. Зашнуровал внутренний ботинок, туго застегнул липучки среднего слоя и застегнул водонепроницаемую верхнюю гетру. Привычные, доведённые до автоматизма действия успокоили меня и дали несколько секунд на раздумья. При таком сильном землетрясении наверняка будут повторные толчки и, возможно, ещё лавины. Я похлопал рукой по груди, нащупывая твёрдый пластиковый корпус маячка.

К тому времени, как я неловко выбрался из палатки, большинство товарищей по команде уже были снаружи, некоторые полуодетые. Лавинные ветры стихли, но с неба сыпал снег, возможно, предвещая сход очередной лавины.

Я посмотрел на падающий снег. Снежинки кружились в воздухе и хлопьями оседали на рукаве моей куртки. Самый обычный снег. Немного расслабившись, я шагнул к группе моих друзей и тут же увидел Барта в оранжево-красном пуховом костюме. Я с силой выдохнул, быстро сделал два шага и обнял его.

– Где ты был? – спросил я.

– Когда налетел ветер, я нырнул в ближайшую палатку. Сидел в палатке-кухне с шерпами. Господи, ну и страшно же было.

Люди кругом обнимались. Мы выкрикали имена товарищей по команде и знакомых шерп, проверяя, все ли в порядке. Перечислив совместными усилиями всех тридцать два имени находящихся в Первом лагере людей, мы выяснили, что все на месте. Никто даже не получил травм. Хотя хорошее известие принесло облегчение, лица друзей всё ещё выражали неуверенность и страх.

Мы обменивались впечатлениями о случившемся за последние несколько минут, и все говорили, перебивая друг друга. Рядом со мной стоял товарищ по команде Мэтт Тэммен. Он раньше служил в армии и обычно был довольно уравновешенным. Описывая бурные содрогания ледника, он сказал:

– Он так и дрыгался, туда-сюда, вверх-вниз, – стараясь изобразить движения ледника, он бешено хлопал руками, словно большая птица.

Я улыбнулся и выдал нервный смешок, соглашаясь с ним.

Кто-то отпустил дурацкую шутку, и все чересчур разразились громким нервным смехом. Снегопад усилился, одежда у нас становилась мокрой. Снаружи делать было нечего, и мы вернулись в свои палатки, чтобы переждать его под крышей. Барт улёгся поверх своего спальника рядом со мной и тупо уставился в потолок. Я до половины заполз в свой мешок.

Внезапно вся палатка дёрнулась в сторону.

Повторный толчок!

В груди у меня всё снова сжалось. Я прижал ладонь к полу палатки, пытаюсь почувствовать, нарастает ли энергия землетрясения. Палатка и ледник длиной в пять километров, что был под нами, дёргались на десяток сантиметров то туда, то сюда. Сообразив, что у меня есть шанс запечатлеть этот момент, я включил камеру и описал происходящее.

– Палатка только что снова сдвинулась. Ещё одно землетрясение. Я бы сказал, что раза в три слабее, чем предыдущее. Если представить, что наша палатка стоит на столе, то сейчас будто кто-то этот стол толкает с разных сторон.

Пока ледник под нами колебался и вздрагивал, мне вдруг пришло в голову, что мы находимся на относительно непрочном льду толщиной в триста метров. Если в результате сильного сотрясения хрупкий лёд расколется, мы рискуем провалиться в глубь ледника. Не хотелось мне снова падать в недра ледника, как когда-то давным-давно.

Я негромко заговорил.

– Господи, надеюсь, ледник выдержит.

– Да уж, – прошептал Барт.

Мы притихли, вслушиваясь, не зашумят ли новые лавины.

Глава 5

По мере того как повторные толчки продолжались, массивный ледовый покров под нами продолжал двигаться назад и вперёд, словно качели на веранде. Мы с Бартом прислушивались, но грохота от схода новых лавин не было. Вскоре содрогания ледника прекратились, и земли вновь погрузилась в сон. На сегодня.

Я посмотрел на Барта и кивнул. Он шумно выдохнул, а затем снова улёгся на спальник. Барт молчал и смотрел в жёлтый потолок палатки. Когда прекратилось действие выброшенного в кровь адреналина, я ощутил беспокойство. Нельзя же просто так сидеть и ждать очередного пугающего повторного толчка. Можно же выйти и поделаться что-то полезное.

На случай, если следующее землетрясение или лавина прикончат нас, можно было бы оставить подробный дневник вроде того, что ведут выжившие после кораблекрушения. Проще всего будет записать видео. Чтобы не впадать в уныние или, что было бы ещё хуже, не записывать раньше времени прощание с семьёй и друзьями, я решил, что видео должно быть сугубо деловым и формальным. Постаравшись быстро собраться с мыслями, я включил камеру.

– Привет. Сегодня 25 апреля, около 12:30 по местному времени. Мы с Бартом, моим соседом по палатке, просто сидели здесь, не до конца проснувшись после дневного сна, и вдруг услышали сильный грохот.

Целые две минуты я рассказывал о случившемся, о том, как началось землетрясение и с гор пошли лавины. Потом заговорил о том, что стало известно из первых переговоров по радио.

– Вышки *Ncell*²⁶ не работают, мобильная связь недоступна, так что, видимо, там тоже было землетрясение. Связь по радио сопровождалась помехами. Палатки у основания ледопада раздавлены. Вероятно, всё дело в воздушно-ударной волне от двух основных лавин, которые были у нас тут, либо может оказаться, что снизу случился обвал. До сих пор нет ясности.

Барт лежал на спальнике, закинув правую руку за голову. Я навёл камеру на него и спросил.

– А ты что можешь рассказать?

Коротко поведав о том, что чувствовал в самом начале землетрясения, Барт описал, что происходило после того, как нас разделила налетевшая воздушная волна:

– Я пробрался к палатке, где собрались все шерпы, они нараспев читали буддистские молитвы... – он прокашлялся. – В тот момент я был несколько взволнован...

Голос Барта пресёкся, он умолк. Затем коротко улыбнулся мне, но слабая улыбка тут же пропала с его лица. Мой обычно такой жизнерадостный друг сжал губы, лицо его искривилось в напряжённой гримасе. Он моргнул и помолчал.

Потом тонким и дрожащим голосом он продолжил.

– Мне пришло в голову, неужели это конец, и я стал думать, каково это – оказаться погребённым заживо.

Лицо его снова напряглось. Через мгновение он опять заговорил, и его голос почти обрёл нормальный тембр.

– Но довольно скоро всё прекратилось. Потом кто-то из шерп сказал: «Теперь всё в порядке». Многие шерпы продолжали молиться, а мы вышли из палатки. Потом мы нашли друг друга, обнялись и обрадовались тому, что не случилось самого худшего.

Завершая рассказ, Барт выдавил стоическую улыбку и умолк. Я понял намёк и вновь направил камеру на себя. Я сказал:

– Прошло уже минут двадцать-двадцать пять, и мы только что ощутили повторные толчки.

²⁶ *Ncell Axiata Limited* – провайдер сотовой связи в Непале.

Геолог в моей душе взял верх, и я добавил.

– Один из мужиков тут – из Калифорнии. Он сказал, что толчки были сильнее, чем 5,0 баллов. Если исходить из движений ледника и наших палаток, полагаю, можно говорить о Р-волнах и вторичных S-волнах²⁷. Мы на леднике, то есть на огромном скоплении замёрзшей воды. Так что мы здесь, как пробка, подпрыгивающая на волнах.

Я заметил, что стал говорить медленнее и как-то уж совсем уныло. Мне хотелось быть более оптимистичным, поэтому я сменил тему и продолжил:

– Понадобится ещё час-другой, прежде чем мы узнаем, что происходит. Мы остаёмся здесь, потому что тут безопасно. Нас только что проверили на прочность.

Я немного помолчал.

– По радио много чего говорят. Сейчас примерно 12:40. Обычно в это время дня на ледопаде ещё есть люди.

Я отвернулся и отвёл камеру назад. Затем покачал головой и тихо добавил:

– Сегодня, поднимаясь сюда, мы проходили участки довольно нестабильного льда...

Голос у меня прервался. Не смотрел ни на Барта, ни в камеру. На несколько секунд я застыл, представляя себе, что могло случиться с альпинистами, находившимися внизу ледопада в момент, когда началось землетрясение. Могло раздавить льдом, сбросить в трещины или засыпать обломками. Волна ужаса захлестнула меня, и я ощутил тошноту.

С трудом сглатывая и высоко подняв брови, я снова посмотрел в объектив.

– Будем держать пальцы за всех наших соотечественников, кто оказался...

Моргая, я закрыл рот, несколько раз молча кивнул и с трудом выдавил из себя остаток фразы, дрожащим и тонким голосом заканчивая рассказ.

– ...внизу ледопада.

Инстинктивно я трижды похлопал себя по ноге, стараясь успокоиться. Глаза у меня наполнились слезами, я поспешил проморгаться, чтобы опередить подступающий прилив переживаний. Не вполне нормальным тоном и слишком громко я сказал:

– Посмотрим, что будет происходить в ближайшие несколько часов.

Я выключил *GoPro*. Устав держать лицо перед камерой, я плюхнулся обратно на спальник. Накрыв глаза ладонями и сосредоточился на дыхании. Во время видеозаписи я сумел сохранить видимость контроля над эмоциями, но внутри всё бурлило.

С трудом верилось, что мы только что пережили мощнейшее землетрясение. Как будто мало было нам невероятных скачков ледника по вертикали и не прекращающихся содроганий земли, минутой спустя за ними последовали сильнейшие ударные волны.

Слышать грохот несущихся издали лавин, но не видеть их – всё равно что стоять посреди скоростной автомагистрали в густом тумане и слышать гудки приближающихся грузовиков. Не было никакой возможности определить, куда бежать в надежде спастись.

За пять минут нам довелось пережить с полдюжины немыслимых и ошеломляющих переживаний. Нервы у меня были на пределе. Меня также потрясла мысль о том, до чего важную роль во время катастрофы играют удача и случай.

Я отнял руки от лица и устремил расфокусированный взгляд в потолок палатки. В многочисленных статьях и книгах, которые я читал об Эвересте, никто никогда не упоминал о потенциальной опасности землетрясений.

Я обратился к Барту:

– Странно как-то оказаться тут во время такого большого землетрясения, верно?

– Да. Просто чудо, что тут никто не пострадал.

²⁷ Р-волны и S-волны – под одной из классификаций, основные типы сейсмических волн. Р-волны (которые часто называют первичными) – продольные, или компрессионные, волны. Похожи на звуковые волны: частицы испытывают колебания вперёд и назад вдоль линии распространения волны. S-волны (или вторичные волны) – поперечные. Твёрдые частицы среды испытывают колебания перпендикулярно линии распространения волны. Жидкости не пропускают S-волны.

Нас спасло то, что палатки были установлены в обычном для Первого лагеря месте. Этот участок был далеко от обоих склонов сбоку, благодаря чему вызванные землетрясением лавины не дошли до лагеря. Мы в огромном долгу перед предыдущими поколениями альпинистов, которые сумели отыскать идеально подходящие для размещения лагерей места и передали эти знания другим.

Однако мы не были в полной безопасности. Ещё в 2005 году Первый лагерь был разрушен массивным сходом льда и каменных обломков. Почти все палатки в Основном лагере, а их было около шестидесяти пяти, были уничтожены. Уцелели только пять палаток, поставленные на отшибе в верхней части лагеря. Несколько человек получили травмы, но никто не погиб, прежде всего благодаря тому, что это случилось в мае. К концу сезона альпинисты достаточно акклиматизировались, поэтому во время переходов между Базовым лагерьем и Основным не задерживались в Первом лагере. Кажется, в момент схода лавины на Первый лагерь там никого не было. Старший проводник *IMG* Марк Такер так писал об этом событии: «Находящиеся в районе Эвереста альпинисты сегодня увернулись не от пули, а от целой бомбы».

Они тогда чудом не пострадали, как и мы сейчас, в основном благодаря невероятному стечению благоприятных обстоятельств. Интересно, долго ли будет нам сопутствовать удача? Неизбежны повторные толчки, вероятен также сход новых лавин. Кроме того, если маршрут на участке ниже нас разрушен, нам, возможно, придётся проложить новый маршрут вниз или даже совершать одиночный спуск. Ни то ни другое не казалось разумным. Спуск может превратиться в игру «попробуй спуститься или уми».

Чего бы ни стоило, я должен буду спуститься, чтобы снова увидеть Глорию и детей. Джесс исполнился двадцать один год как раз перед моим отъездом в Непал, а Нику восемнадцать. Они уже практически взрослые и не нуждаются больше в том, чтобы родители пристально присматривали за ними, но мы все очень дружны и сильно любим друг друга. Мы живём достаточно далеко от большинства наших родственников, так что вчетвером зависим друг от друга и вместе стараемся сохранить нашу маленькую семейную ячейку сильной и крепкой.

Вероятность моей гибели в этой катастрофе по той или иной причине казалась не слишком высокой, но кто знает, что может случиться. В душе у меня начали закипать тревога и неуверенность в том, что я когда-нибудь смогу снова увидеться с семьёй. Однако я не мог дать волю этим чувствам – я не мог допустить, чтобы вероятность страшных или печальных событий привела меня в уныние. По опыту многочисленных горно-спасательных операций, в том числе и связанных с необходимостью оказать пострадавшим неотложную медицинскую помощь, я знал, что в условиях, когда первостепенной задачей является выжить и остаться в безопасности, необходимо сосредоточиться на насущных проблемах и способах их решения.

Ранее в жизни рискованные восхождения и работа маляром на значительной высоте научили меня, что, если боишься смерти и хочешь снова увидеть близких, надо на время отложить все мысли о них. Это сознательное отстранение не устраняет страх, не наделяет тебя сверхспособностями и не превращает в бесчувственного робота. Оно просто даёт самый лучший шанс пережить неизбежное и вернуться домой.

* * *

Мы с Бартом старались отдохнуть, но я то и дело беспокоился и дёргался. Открыл дверь палатки и высунул голову наружу. С подозрением осмотрел лагерь, не надувает ли снег сбоку. Крупные хлопья невинно сыпались, кружась, из туч прямо над головой. Сквозь бело-серую пелену невозможно было рассмотреть ни один из склонов вокруг.

Я втянул голову обратно и стряхнул снег с растрёпанных волос.

– Там сыпет всё сильнее.

– Да, сегодня мы никуда не пойдём, – ответил Барт.

Из соседних палаток доносились приглушенные разговоры. Руководитель нашей партии Эмили Джонсон сидела через две палатки от нас и по радиации переговаривалась со своими коллегами в двух других лагерях. Как руководитель-ветеран, врач скорой помощи, Эмили всегда выражалась чётко и лаконично.

До нас доносились отрывки поступающих радиосообщений. Наши товарищи по команде *IMG* во Втором лагере, примерно в 450 метрах выше, тоже были взбудоражены землетрясением и сходом лавин, но у них не было ни погибших, ни раненых. Мой хороший друг Алан Арнетт²⁸ тоже находился во Втором лагере, акклиматизируясь перед восхождением на Лхоцзе. Я беспокоился за него, но руководитель проводников *IMG* сказал, что ни одна из лавин не дошла до Второго лагеря.

Около семидесяти альпинистов из разных команд расположились лагерем на общем участке рядом с ледником Кхумбу. Поскольку 25 апреля – ещё самое начало сезона восхождений, верёвки были провешены только до Второго лагеря. Выше на горе никого не было.

Наши проводники *IMG* и персонал из Базового лагеря также не пострадали. Но между другими командами внизу не прекращался бешеный радиообмен на смеси четырёх или пяти языков. Выделить конкретные детали из этой неистовой болтовни нам было не под силу, но чувствовалось, что люди на взводе. В Базовом лагере явно случилось что-то очень нехорошее.

В разговоре мелькали упоминания лавин, камнепадов и травм. Многие из палаток оказались уничтожены. Снова и снова звучали срочные вызовы, требовались врачи или кто-нибудь, у кого есть навыки оказания медпомощи. Им нужна была помощь для сортировки множества раненых и оказания им помощи. Имея сертификат медика-горноспасателя, я готов был помочь им, но, конечно, был не в силах сделать это, так как находился в Первом лагере. Эмили, врач скорой помощи, была как раз тем, в ком они нуждались. Но и она могла лишь слушать их запросы помощи.

Как и все остальные, я хотел узнать как можно больше подробностей. Но я понимал, что сейчас, когда чрезвычайные события только что произошли, руководители Базового лагеря изо всех сил стараются справиться с ситуацией. Приставать к ним и задавать вопросы, ответов на которые у них ещё нет, было бы неразумно. Придётся некоторое время сидеть тихо и самим о себе заботиться.

Хотя нам с Бартом и не хотелось есть, мы всё же заставили себя проглотить сухой перекус и запили его водой, чтобы не терять силы. Поскольку земля больше не тряслась, а обстановка на ближайших склонах была спокойной, всё вокруг выглядело примерно так же, как и час назад. И всё же всё изменилось.

* * *

Альпинисты устремляются на Эверест, потому что тектонические силы сделали эту гору высочайшей вершиной планеты. Мы все понимаем, что в течение длительных периодов геологического времени континенты сталкиваются, а горы движутся. Однако, оказавшись на огромной высоте в момент, когда стрелка на геологических часах вдруг задрожала и прыгнула вперёд, я взглянул на всё по-новому. Эверест ещё опаснее, чем кажется. Всё может измениться в любой момент. Нравится нам это или нет, но нам тоже придётся измениться.

Начиная с первой экспедиции 1921 года, история восхождения на Эверест изобилует сложными и трагическими событиями. Трагедия 1996 года²⁹ и последовавшие за ней один-

²⁸ Алан Арнетт – прославленный американский альпинист, один из символов новой истории Эвереста. Известный и уважаемый блогер, учёный, оратор, автор. 100 % дохода от выступлений и статей перечисляет на борьбу с болезнью Альцгеймера, собрано уже около полумиллиона долларов.

²⁹ Имеется в виду катастрофа на Эвересте в ночь с 10 на 11 мая 1996 года, когда по неустановленной причине произошла массовая гибель альпинистов, совершавших восхождение по разным маршрутам с разных сторон. Погибли не менее 8 человек.

надцать смертей в тот сезон точно задокументированы в многочисленных книгах. Лавина в 2014 году³⁰ унесла жизни шестнадцати непальцев.

25 апреля 2015 года мы оказались в уникальном затруднительном положении – оказались заперты в ловушке на полпути к Эвересту в результате мощного землетрясения и схода лавин. Никогда ранее подобного не случалось. Интуиция подсказывала мне, что наше восхождение на Эверест закончено. После тридцати трёх лет подготовки моя мечта рухнула всего в девяти часах хода от Базового лагеря.

* * *

Снизу поступали новые радиосообщения. Чей-то расстроенный голос сказал: «Базовый лагерь уничтожен». Многочисленные звонки подтверждали, что люди пострадали от падавших обломков. Несколько человек предположили обрушение ледника под частью Базового лагеря. Информация о возможных провалах грунта усилила грызущую меня тревогу по поводу опасности проседания ледника под нашим лагерем. Трещины, полости с талой водой или слабые участки льда вполне могут обрушиться, если ледник Кхумбу затрясёт слишком сильно.

Мы узнали, что землетрясение затронуло не только Эверест, но и всю долину Кхумбу под горой. В сообщениях, которые горцы передавали к западу от нас, даже предполагалось, что пострадала большая часть Непала.

С помощью сообщений, просачивающихся в эфир, скоро новости о случившемся достигнут внешнего мира. Надо было предупредить семью, что со мной всё в порядке, прежде чем в предварительном сообщении объявят, что мы можем быть в числе раненых или погибших. Хотя я и медлил, надеясь, что прежде, чем я свяжусь с Глорией, поступят какие-нибудь обнадеживающие известия, плохих новостей становилось всё больше, и я понял, что ждать дольше нельзя.

Я достал свой *GPS*. Оранжево-чёрный пластиковый футляр был такой знакомый. Весь последний месяц я ежедневно использовал его, выкладывая обновления в соцсетях и отправляя сообщения семье и друзьям.

Как только экран засветился, я заметил: батарея заряжена больше чем на девяносто процентов. Этого достаточно, чтобы несколько дней подряд отправлять и получать сообщения. При некотором усилии заряда батареи должно хватить на неделю, если я буду немногословен.

Мне не хотелось слишком сильно пугать Глорию, так что я сделал сообщение позитивным. В 14:04 по непальскому времени я написал ей:

«Всё норм. Было землетрясение, сошли неск. лав. но наш лагерь хорошо расположен, мы в безопасности. Подробности после. Люблю всех»³¹.

Глория работает ночной медсестрой, её смена заканчивается в полночь, так что примерно два часа назад она вернулась домой. Сейчас она спит и прочитает моё сообщение только через несколько часов. Джесс и Ник тоже, наверное, спят. Поскольку я хотел, чтобы Глория сама сообщила детям, что со мной всё в порядке, им я пока не стал писать.

Стал думать, кому бы ещё написать, кто мог бы помочь мне издалека. Очевидный ответ – моему лучшему другу и давнему напарнику по восхождениям Родни Лею. Мы с ним вместе возглавляли пять международных высотных экспедиций, когда вывозили студентов колледжа в горы. Ещё в 1998 году мы с ними поднялись на вершину Имджа-Цзе³² (она же – Айленд-

4 пропали без вести, ещё несколько были ранены.

³⁰ 8 апреля 2014 года с ледопада Кхумбу произошёл сход лавины, в результате которого 16 человек погибли и 9 получили ранения.

³¹ Все тексты, электронные письма, письма и дневниковые записи цитируются так, как были написаны, с небольшими изменениями, сделанными для ясности и краткости (*Прим. авт.*).

³² Имджа-Цзе, или Айленд-Пик, – горная вершина в Гималаях на гребне, спускающемся с южной оконечности восьмимы-

Пик), шеститысячник всего в 20 000-футовый пик, расположенный всего в десяти километрах к юго-востоку от Первого лагеря. Семнадцать лет мы сотни дней вместе ходим в пешие походы, катаемся на лыжах и совершаем восхождения. Когда в горах приходится туго, я никому так не доверяю, как Родни. Ему я написал чуть более длинное сообщение, чем Глории:

«Лагерь 1, всё норм. Было землетрясение. Мощная лав. рядом. Ударная волна в нашем лагере. Под Базовым лагерем возможен провал ледника. На связи».

Являясь опытным альпинистом ещё с 1970 года, Родни – эксперт по всем аспектам альпинизма и безопасности в горах. Что ещё важнее, он, вероятно, лучше других понимает меня как альпиниста. Он знает моё прошлое, мои навыки и то, как у меня работает голова.

Когда Родни увидит моё сообщение, он включит режим полной поддержки в Колорадо. Будет звонить по телефону, связываться по интернету, задействует обширную сеть альпинистов, к которой мы оба принадлежим. Я знал, что он соберёт самую важную информацию и незамедлительно свяжется со мной. Теперь спину мне прикрывали Глория и Родни, и мне было легче сохранять позитивный настрой, когда ситуация казалась настолько мрачной.

Поскольку я работаю оратором и писателем, у меня много подписчиков в соцсетях, включая друзей, членов семьи, клиентов, коллег и партнёров по восхождениям. Однако со многими подписчиками я лично незнаком и не знал заранее, кто и что может выложить в интернет. Участие в спасательных операциях в экстремальных условиях научило меня, что стоит только завестись мельнице эмоциональных слухов, как информация и дезинформация начинают разлетаться с равной быстротой. Стараясь сыграть на опережение, я выложил обновления своего статуса в соцсетях, повторяя то, что уже написал Родни.

День тянулся медленно, в Базовом лагере царила суматоха, о чём свидетельствовала прерывистая радиосвязь. Со временем информацию удалось обобщить, и стало понятно, что никакого обрушения ледника под Базовым лагерем всё-таки не было. Зато выяснилось, что на лагерь сошла массивная лавина. Сопровождаемое ветром ураганной силы, по средней части Базового лагеря пронеслось страшное месиво из летящих по воздуху обломков камней и ледяных глыб. Были раненые. Были погибшие.

Глава 6

Прошло три часа с момента землетрясения, и до сих пор мы только и делали, что ждали. Разыгравшаяся непогода удерживала нас в палатке. Я развалился на спальнике и разглядывал целую вселенную маленьких жёлтых квадратов, из которых состояла ткань палатки. Чтобы отвлечься, я пыталась сосчитать крошечные прямоугольники, но, похоже, без толку.

Посматривая на Барта, я видел, что он лежит и смотрит в потолок. Я сел и снова выглянул наружу. Из-за облаков и снегопада видимость была ограничена, метров пятнадцать, не больше. Я застегнул молнию на палатке.

Барт приподнялся на локте, его коротко стриженные седые волосы растрепались, когда он снял шапку. Во время всей экспедиции на лице Барта всегда сияла обезоруживающая улыбка. Эта мягкая улыбка так хорошо сочеталась с его спокойным поведением, что разговор с Бартом напоминал дружескую беседу с любимым дядюшкой – тем, кто видел лучшее в каждом и всегда мог сказать что-то хорошее.

Но после землетрясения Барт почти не улыбался. Его брови цвета соли с перцем тревожно нависали над глазами, от чего он казался старше. За три непростые недели экспедиции и семь некомфортных ночёвок в палатке я ни разу не видел Барта расстроенным. Мрачный мужик, на которого я смотрел сейчас, изменил это впечатление.

– Ну, господин геолог, что вам известно о землетрясениях? – поинтересовался Барт.

– Я стараюсь вспомнить. Мы проходили их в колледже, тому уж около тридцати лет назад. В основном я думаю о повторных толчках.

– И что же?

– Самый сильный толчок почти всегда бывает первым, а повторные толчки имеют тенденцию с течением времени становиться менее мощными. Так что есть неплохая вероятность того, что самое худшее мы уже пережили.

– Что ж, это неплохо.

– Ну да, но время от времени бывает так, что первый толчок оказывается не самым сильным, – я поднял брови, глядя на Барта.

Он сжал губы и медленно кивнул.

Я продолжил.

– Несомненно, ещё будут повторные толчки, и некоторые будут сильными.

– И долго это продлится?

– Повторные сильные толчки могут произойти в течение нескольких дней или недель. Более слабые могут продолжаться месяцами, может, даже годами.

Барт отхлебнул воды из бутылки *Nalgene* и ничего не ответил. Я ткнул указательным пальцем в сторону Нупцзе и сказал.

– Меня тревожит, что остаётся вероятность нового сильного толчка, а мы всё ещё тут.

Хотя сейчас нам была видна только внутренняя часть палатки, Барт посмотрел на юг, в сторону вершины. Над нашим лагерем она поднималась стеной из ледников, ледовых полей и утёсов высотой полтора с лишним километра.

Барт опустил голову и устался на бутылку с водой у себя на коленях. Помолчав несколько секунд, он наклонил голову в мою сторону и сказал:

– Тогда могут сойти новые лавины.

– Да, и это меня беспокоит. Я подумываю о том, чтобы сказать об этом Эмили, хотя у неё и без того дел хватает. А ты как думаешь?

– Я думаю, ты должен сказать ей, – ответил Барт.

Я молча кивнул. Сунув руку в боковой карман палатки, я достал свой пакет с перекусом и принялся грызть курагу, чтобы запастись немного пищевой энергии для вылазки на холод.

На то, чтобы натянуть ботинки, две куртки, пару перчаток и шапку, на высоте 6 000 м уходит около десяти минут. Я двигался ещё медленнее, чем обычно, размышляя, что сказать Эмили. Расстегнув обе двери палатки, я выполз наружу и увидел, что всё вокруг покрыто почти десятисантиметровым слоем снега. Я быстро закрыл входные клапаны и направился к её палатке. Свежий, сухой снег скрипел под моими ботинками, когда я, шагая, уминал его. Остановившись у палатки, я окликнул:

– Тук-тук, Эмили.

Пока она расстёгивала молнию на внутреннем клапане, я открыл наружный. Нырнув в проём, я забрался внутрь и сел на пол. Эмили убавила громкость рации и отложила её. Я сразу перешёл к делу.

– Мне нужно кое-что тебе рассказать. Я геолог, ты ведь в курсе, верно?

– Я помню. Что такое?

– Ну, я не спец по землетрясениям, но кое-что всё-таки знаю.

Она кивнула.

– Как ты, наверное, знаешь, есть вероятность повторных толчков. И я должен предупредить: некоторые могут оказаться сильными.

Я ждал ответа. На её лице не отразилось никакой видимой реакции, но я понимал, что она обдумывает мои слова.

– Насколько сильными?

Учитывая её образование, я мог говорить, используя научные термины.

– Сила повторных толчков обычно уменьшается по асимптоте. Крепче всего я запомнил, что после самого первого толчка самые мощные из повторных могут быть силой до девяноста процентов от первого.

Эмили сморгнула, но промолчала. Я продолжил.

– Есть риск, что один из повторных толчков может оказаться даже сильнее первого, но вероятность совсем небольшая. Однако мы почти наверняка скоро почувствуем достаточно мощные повторные толчки.

Как врач скорой помощи Эмили привыкла быстро принимать решение, услышав плохие новости. Она выглядела спокойной. Её загорелые до красноты щёки будто пылали на фоне длинных белых волос. Эмили заговорила:

– Ясно. Что-нибудь ещё?

– Нет, пока всё. Если вспомню что-то важное, непременно скажу тебе.

– Дайте мне знать, если вам что-то нужно.

Я помолчал, выдавил слабую улыбку и ответил:

– Просто сообщи нам план, когда он будет готов, шеф.

Все факты и опасения, о которых я думал последние несколько часов, крутились у меня в голове, то и дело рикошета друг от друга. Из-за непогоды мы пока не можем уйти отсюда. У нас достаточно снаряжения и припасов, чтобы продержаться в Первом лагере несколько дней. Но как только закончится топливо, у нас не будет ни драгоценной воды, ни пищи. И долго мы не протянем. Сидя в лагере, разбитом на трещиноватом, крошащемся леднике, мы беззащитны перед следующим землетрясением. К тому же, оставаясь в Первом лагере, мы находимся вблизи русла схода и фактически в зоне отложения вероятных лавин. С каждым часом снега выпадает всё больше, и даже слабый повторный толчок может всё расшатать.

Даже если мы каким-то чудом будем в безопасности несколько дней, уход из Первого лагеря тоже будет непростым. Трёхмерный хаос ледопада под нами перевёрнут. Мы даже не знали, уцелели ли лестницы и верёвки, провешенные на трёхкилометровом пути до Базового лагеря. Итак, самое опасное место на Эвересте, наш единственный маршрут спуска, стало ещё опаснее. Казалось, нам нельзя тут оставаться, но и уйти отсюда мы не можем.

Мне надо было знать, как мы будем спускаться. Я хотел услышать, когда мы двинемся назад. Но я пришёл к Эмили, чтобы поделиться важной информацией и помочь ей, если смогу. Я пришёл не для того, чтобы она меня успокаивала, и не для того, чтобы жаловаться ей на неизвестность. Эмили и сама знает обо всех этих опасениях. Если я закидаю её своими встревоженными вопросами, её бремя станет лишь тяжелее.

Проведя с ней последние двадцать шесть дней во время пеших переходов и восхождений, я понимал, что Эмили не строит догадок. Она и другие руководители экспедиции сейчас разрабатывают план. Как только он у них будет, она нам всё расскажет.

Я вернулся в нашу палатку, и мы с Бартом снова принялись ждать. Он возился со своим снаряжением, а я, как всегда в экспедициях, делал записи в дневнике. Мы по очереди пытались поднять друг другу настроение. В основном, правда, мы пилились на стенки палатки.

Меня так и подмывало включить GPS-навигатор и проверить, не ответила ли мне Глория, но дома по-прежнему была середина ночи. Она никак не могла прочитать моё сообщение о землетрясении. Надо было экономить заряд батареи, поэтому не поддавался искушению.

Бух! Бух!

Резкий хлопок, и я насторожился. *Ещё одна лавина?*

Перегруженный работой мозг немедленно нажал кнопку «страх». Адреналин горячей волной обжёг конечности.

– Какого чёрта? – заорал Барт.

Мы разом вскочили.

Бух! Бух! Теперь звук стал вроде как мягче и доносился с западной стороны лагеря, откуда нам не угрожали опасные склоны. Приглушённые хлопки раздавались на фоне непринуждённой беседы двух товарищей по команде снаружи.

– Кто-то просто отряхивает палатку, – сказал Барт.

Никакая это не лавина. Я откинулся на спальник и прижал ладонь ко лбу.

– Чёрт, с меня хватит!

Товарищи по команде продолжали стряхивать снег со своей палатки, действуя на мои измученные нервы. Я постарался расслабить закаменевшие мышцы плеч и сделал попытку замедлить сердцебиение.

У Барта был с собой спутниковый телефон. Несмотря на высокую стоимость звонков – \$1,50 в минуту, возможность звонить домой из любого места была приятной роскошью и иногда выручала в минуты острой необходимости. Барт решил, что его жена Джуди уже проснулась в городе Огден, штат Юта. Он вытащил из рюкзака маленький чёрный телефон и стал греть его, сунув внутрь своего пухового костюма.

Джуди сопровождала нашу команду первые две недели пешего перехода, пока мы направлялись к Эвересту. Любящая мать и бабушка, она была весёлым и приятным попутчиком. Во время медленного акклиматизационного продвижения вверх по долине Кхумбу я с удовольствием шёл рядом с ней и Бартом и делил с ними трапезы.

Жизнь в экспедиции подразумевает множество неписаных правил, и одно из них – уважать частную жизнь соседа по палатке, даже если проводишь бок о бок с ним день и ночуешь в пятнадцати сантиметрах от него.

Я спросил:

– Мне выйти?

– Нет, всё нормально. Ничего личного в этом звонке. Просто хочу сказать ей, что мы в порядке, а то будет беспокоиться.

У меня не было ни плеера, ни наушников, чтобы отключиться, поэтому я отвернулся и занялся ведением дневника, стараясь предоставить Барту немного уединения.

Через несколько минут телефон запищал, и Барт выключил его. Затем раздался мягкий пластиковый щелчок, когда он сложил выдвижную антенну. Согласно неписаному этикету,

после их разговора не следует ни комментировать, ни задавать вопросы, если только сам Барт не решит что-то рассказать мне.

– Джуди передаёт тебе привет, она очень рада, что у нас всё в порядке.

Я воздержался от комментариев, позволяя другу направлять разговор.

– Она говорит, про землетрясение сообщают дома во всех выпусках новостей. Похоже, в Непале дела обстоят скверно.

Меня это ничуть не удивило, однако при мысли о том, что мои опасения подтвердились, нас накрыло пологом печали. У Барта был встревоженный вид.

– Она говорит, передали, что лагеря на северном склоне, скорее всего, уничтожены сошедшими лавинами, – выговорил он медленнее, чем обычно.

Я замер. Мысленно я перепрыгнул через вершину Эвереста, оказался на тибетском склоне и взглянул вниз. Я представил себе, как северный склон высотой 3352 метра рушится вниз громадной волной кипящего снежного вихря и летящих чёрных камней. Обломки, палатки и тела, вероятно, там раскиданы в разные стороны. Я изо всех сил пытался осмыслить случившееся.

Барт тихо спросил:

– Сколько там примерно человек?

Поскольку я много лет подряд отслеживал восхождения на Эверест и приблизительно знал, сколько тут бывает альпинистов, то вполне мог ответить. Я прикинул возможное число пострадавших, и у меня отвисла челюсть.

– Может быть, триста.

– О, Господи, – отозвался Барт.

Барт продолжал в упор смотреть на меня, и я отвёл глаза. Взгляд скользил по полу палатки, ни на чём не задерживаясь. Я торопливо переспросил:

– Джуди уверена? Всё точно?

– Она не знает наверняка. Просто слышала какое-то упоминание, но там пока полная неразбериха.

Барт предложил мне свой спутниковый телефон, чтобы я мог позвонить Глории. По непальскому времени было 5:30 вечера, но на то, чтобы определить, который час дома, у меня всегда уходит пара минут.

Демонстрируя свой национальный суверенитет, Непал отказался использовать те же часовые пояса, что и его гораздо более крупные соседи – Индия и Китай. Вместо этого крошечная страна ввела у себя «непальское стандартное время». Чтобы стать совсем уж независимым, Непал предпочёл не делать разницу во времени с соседними зонами точно равной часу. Вместо этого был принят чудной сдвиг на пятнадцать минут по сравнению с большинством прочих часовых зон. Таким образом, Колорадо отстаёт от Непала на одиннадцать часов сорок пять минут. Выходит, в Форт-Коллинзе сейчас 5:45 утра.

Со времени землетрясения прошло уже больше пяти часов, и весть о нём распространилась по всему земному шару. Но Глория проснётся только через час. Кроме того, прежде чем звонить, надо было придумать, что говорить. Конечно, я расскажу ей обо всём, что произошло, но я понимал, что надо будет держаться уверенно и спокойно. Если я встревожу Глорию известием, что по-прежнему рискую погибнуть на горе, ни ей, ни мне от этого легче не станет.

Эверест таит в себе много опасностей. Мы с друзьями много лет старались, анализируя вероятные риски и стремясь уменьшить возможные опасности с помощью обучения, освоения нового снаряжения и разработки тактики. Никому из нас и в голову не приходило, что самой большой опасностью на горе станет сильнейшее землетрясение. Хотя я и геолог, но об этом я вообще не беспокоился. Я недоверчиво покачал головой. Скоро Глория проснётся и узнает, что землетрясение заперло меня на Эвересте.

Глава 7

2014

Тёплый весенний ветерок проникает в наш дом через открытую заднюю дверь. Джейк, наш лабрадор-ретривер, лениво выходит на улицу, чтобы сунуть нос в кусты. В кухню врываются трели краснокрылых дроздов³³—должно быть, они ссорятся из-за мест гнездования на близлежащих болотах.

Глория стоит у раковины и моет сковородку. Пока она трёт посуду, её каштановые волосы качаются взад-вперёд, позволяя заглянуть в её лицо сбоку. Я сижу за кухонным столом, сортируя почту за неделю. Наши утренние хлопоты подходят к концу, а на день вроде ничего такого не запланировано. Может, пришло время начать разговор?

Конечно, мне не хочется начинать обсуждение такого важного вопроса в неподходящий момент. Я потягиваю чай и думаю. Хоккейный сезон закончился на прошлой неделе, так что в первую субботу месяца мы не пойдём на матч с участием Ника. Час назад он уехал рыбачить со своим приятелем по команде. Джесс в колледже до весенних каникул, так что у неё тоже всё хорошо. Когда детей нет, мы знаем, что с ними всё в порядке, а сами находимся дома, получается, настает один из самых спокойных в нашей жизни дней.

³³ Краснокрылый дрозд – воробьиная птица, обитающая на большей части территории Северной и Центральной Америки. Утверждают, что это самая широко распространённая сухопутная птица в мире. Перепись зимующих краснокрылых дроздов иногда показывает, что свободные стаи могут насчитывать более миллиона птиц, а полное число гнездящихся пар в Северной и Центральной Америке может превышать 250 миллионов в пиковые годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.